

ЖУРНАЛ
МОСКОВСКОЙ
ПАТРИАРХИИ

№ 7

И Ю Л Ъ

ИЗДАНИЕ МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ

МОСКВА 1949

СОДЕРЖАНИЕ

Официальная часть

Телеграмма Святейшего Патриарха Алексия Святейшему Синоду Болгарской Церкви	3
Телеграмма от Святейшего Синода Болгарской Церкви Святейшему Патриарху Алексию	3

Церковная жизнь

Архимандрит Алексей (Дегтярев). День Святой Троицы в обители Преподобного Сергия	4
--	---

Речи, проповеди

Митрополит Николай. Звание христианина	7
--	---

Статьи

Митрополит Сливенский Никодим. Некоторые впечатления от России	11
В. Васильев. Церковно-политическое значение Троице-Сергиевой Лавры в истории Русского государства	15
Г. Лапин. Работа католиков и протестантов в Китае	21
М. Павлов. Пламя вдохновенной любви к Родине	28
В. Алексеев. Митрополит Московский Иннокентий	36
В. Никонов. Русская Православная Церковь и Рим	45

Из жизни Русских Православных Церквей за границей

А. С. 50-летие Свято-Николаевского собора в г. Вене	61
---	----

Издатель:
МОСКОВСКАЯ ПАТРИАРХИЯ

Редактор:
РЕДАКЦИОННАЯ КОМИССИЯ

По всем редакционным делам обращаться к ответственному секретарю редакции „Журнала Московской Патриархии“ Л. Н. Парийскому — Москва, 48, Б. Пироговская, 2 (бывш. Новодевичий монастырь), Редакция „Журнала Московской Патриархии“.

Официальная часть

ТЕЛЕГРАММА

СВЯТЕЙШЕГО ПАТРИАРХА АЛЕКСИЯ

Высокопреосвященнейшему Паисию, Митрополиту Врачанскому,
Святейший Синод, София, Болгария

От имени моего и Священного Синода Русской Православной Церкви прошу Святейший Синод Болгарской Православной Церкви принять наши глубочайшие соболезнования по случаю безвременной кончины великого вождя Болгарского народа Георгия Михайловича Димитрова.

ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РУСИ АЛЕКСИЙ

Москва
5 июля 1949 г.

ТЕЛЕГРАММА

ОТ СВЯТЕЙШЕГО СИНОДА БОЛГАРСКОЙ ЦЕРКВИ

Святейшему Патриарху Алексию

Святейший Синод с большой благодарностью выслушал соболезнования Вашего Святейшества и Святейшего Вашего Синода по случаю безвременной кончины великого вождя Болгарского народа Георгия Михайловича Димитрова.

НАМЕСТНИК ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СВ. СИНОДА ВРАЧАНСКИЙ ПАИСИЙ

Церковная жизнь

ДЕНЬ СВЯТОЙ ТРОИЦЫ В ОБИТЕЛИ ПРЕПОДОБНОГО СЕРГИЯ

(12 июня 1949 года)

Предпраздничное настроение в этом году почувствовалось в Лавре Преподобного Сергия за несколько дней до Троицына дня. Паломники стали стекаться в Лавру почти с самого Вознесения. Многие из них, не находя места в гостинице и в частных домах, располагались вокруг лаврских храмов, на зеленой траве, и так проводили три, четыре ночи подряд. А с утра до вечера паломники пребывали большей частью в храмах за ранней и поздней Литургией, за молебнами празднику и Преподобному Сергию.

В эти дни иногда трудно было пробраться по монастырской территории, почти сплошь заполненной большими группами приезжих и длиннейшими очередями к раке Преподобного и к Живоносному источнику. Нередко по двору мелькала величественная фигура о. наместника, вникавшего во все подробности предпраздничных приготовлений. Провожая его глазами, многие паломники о чем-то вздыхали и погружались в молитвенную задумчивость. На старых и молодых лицах, бесконечно милых русскому сердцу, нельзя было заметить беспечных улыбок, громкая речь не нарушала общего строго благоговейного настроения.

Иначе и быть не могло, ибо по этой земле некогда хаживал сам Преподобный со своими трудниками, здесь он молился за всю нашу Русь, здесь принимал великого князя Дмитрия Донского, положившего начало освобождения русской земли от татарского ига... Здесь и почил в Бозе Игумен всея Руси от праведных трудов своих, здесь был и прославлен. Да, в этой обители каждая пядь земли, каждый кирпич в поседевших стенах свидетельствуют о славной истории русского народа, о его многовековой духовной культуре. Все эти здания, храмы, палаты и величественная колокольня, легко уходящая в голубую высь, преодолели столетия, чтобы и в нынешнее время звать под свои намоленные своды нескончаемый поток верующих в небесную славу Преподобного и в его особое о нас попечение.

О, как же я, будучи много лет за границей, молитвенно зывал к Богу о том, чтобы Он даровал мне возможность вернуться на Родину, в Москву, чтобы испросить у Преподобного прощения за ошибки неведения, которыми я временно отдалил себя от всего близкого, родного. И сколько еще русских людей, томящихся в эмиграции, мечтают о возвращении на Родину, а иные — и под святой покров Преподобного. Давно уже опытно постигли они, что только Родина может быть по-настоящему близка к ним, что только на родной земле могут они обрести мир — душе и любовь — сердцу. Ведь только единицы стали за

рубегом сынами тех стран, в коих поселились, а подавляющее большинство — пасынки, едва терпимые гордыми иноплемениками, разве только как рабочий скот. К вам, мои грустные соотечественники, мое самое горячее слово: порывайте всякие связи с поработителями и возвращайтесь на родную землю, чтобы свои таланты, свои силы посвятить родному народу. Спешите, пока еще не угасла в вас последняя искра жизни. Поверьте, что Родина, как мать, примет вас в свои объятия, а Преподобный Сергей — благословит. Как видите, никто из нас, вернувшихся обратно, не стеснен, но каждому предложен труд по его силам и способностям, каждый обеспечен в своем духовном и материальном бытии. Но я немного отвлекся от темы, от переживаний нашего родного православного праздника Живоначала́ной Троицы, влекущей нас к единству...

В четверг перед Пятидесятницей Лавра превратилась в настоящий людской муравейник. В этот день главным предметом всеобщего внимания стал храм Святаго Духа, только что капитально отремонтированный. Его освящение должно было состояться на следующий день, а накануне, в ожидании приезда Святейшего Патриарха, спешили снять с храма остатки лесов. Надо было все закончить к сроку, чтобы порадовать красотой этого храма Святейшего Настоятеля Лавры. Неоднократно пробегал по двору озабоченный ризничий, на долю которого выпал нелегкий труд привести в праздничный вид семь лаврских храмов, а также приготовить немалое число облачений для служащего духовенства.

На следующий день, в пятницу, все лаврское духовенство собралось в Троицкий собор, чтобы отсюда в облачениях последовать к патриаршим покоям для встречи Святейшего Владыки. Вот начался трезвон, возвестивший выход Святейшего Патриарха из покоев в Троицкий собор, где он облачится в священные ризы и откуда понесет святые мощи в новоосвящаемый храм. Народу собралось уже так много, что длинная цепь студентов Академии и Семинарии с трудом сдерживала толпу, желавшую непременно проникнуть в храм. Наконец, торжественная процессия, двинувшись из Троицкого собора, вошла в храм Святаго Духа, и чин освящения начался.

Святейший Патриарх и сослужащее ему духовенство надели поверх облачений так называемые «запоны» — особый вид фартуков — и приступили к заливанню воскомастихом отверстий в четырех столбах, укрепленных в земле, тех отверстий, в которые войдут гвозди, прикрепляющие верхнюю доску святого престола. Затем на столбы была наложена доска, и священнослужители, вложив в отверстия гвозди, забили их четырьмя камнями. После этого престол был обмыт розовой водой, помазан святым миром и облачен вместе с жертвенником.

По окончании освящения началась Божественная Литургия, после которой над могилой Преосвященных Митрополитов, Филарета и Иннокентия Московских, почивающих внутри храма, была совершена краткая лития с провозглашением им вечной памяти. Так закончилось торжество освящения Свято-Духовского храма на территории Лавры — седьмого по счету.

Простые, строгие формы этого храма, увенчанного резным золоченым крестом над темно-синей главой, усеянной золотыми звездами, радовали взор, пробуждая исторические воспоминания. В начале XV века на это место Преподобный Никон перенес деревянную церковь во имя Святой Троицы, стоявшую там, где теперь Троицкий собор. Пока собор строился, мощи Преподобного Сергия находились в деревянной церкви. Затем, в 1476 году, вместо деревянной, была построена каменная (кирпичная) церковь, а в 1554 году, по желанию Ивана Грозного, воздвигнут новый храм, который и красуется сейчас среди зелени. У его север-

ной стены почивают мощи преп. Максима Грека. Внутри — могилы двух московских святителей, которых только что молитвенно вспоминали. А сколько знаменитых и простых людей покоится вокруг храма в могилах, уже изглаженных временем! Завтра, в родительскую субботу, живущие помянут в своих молитвах всех усопших праотцев, zde лежащих и повсюду...

Вечером состоялся парастас, а в субботу утром — ранняя и поздняя Литургии с поминовением усопших. В тот же день, в три часа пополудни, служились малая вечерня и молебен с акафистом Святой Живоначальной Троице. Последнее богослужение совершил сам Святейший Патриарх в сослужении двух епископов — Преосвященного Исидора, епископа Таллинского и Эстонского, и Преосвященного Гавриила, бывшего епископа Хабаровского, и всего лаврского духовенства.

А в шесть часов вечера началась торжественная всенощная. Святейший Патриарх и епископы вышли на литию в святительских мантиях и встали на кафедре, от которой до самого амвона выстроилось все остальное духовенство. Яркий блеск огромных паникадил сливался с вечерним, предзакатным светом, лившимся из высоких узких окон. Лики святых были тронуты как бы небесным сиянием и строго внимали древним песнопениям и молитвословиям. Невольно думалось, что вот так же молились в этот вечер и в далеком прошлом, когда на месте Святейшего Патриарха стояли московские святители, патриархи, окруженные как и теперь, тесной толпой молящихся. Как и в те времена, всенощная затянулась на несколько часов, хотя время протекло незаметно.

На следующий день Патриарх служил — в том же соборе — Божественную Литургию, вечерню и молебен Преподобному Сергию. Сослужили ему епископы: Исидор, Гавриил и приехавшие в это же утро Флавиан Краснодарский и Нестор Курский, а также наместник Лавры архимандрит Иоанн, архимандриты, игумены... Богомольцев прибыло в этот день столько, что пришлось служить три Литургии — в соборе и Трапезной церкви. В начале вечерни Святейший Патриарх роздал всему духовенству большие букеты цветов. С цветами стоял и народ. Казалось, что весь храм превратился в огромный цветник.

И вот — первая коленопреклоненная молитва, которую читал Патриарх лицом к народу. В абсолютной тишине отчетливо раздался голос Святейшего Патриарха: «Пречисте, нескверне»... Спокойно, почти не повышая голоса, читал Первосвятитель, но каждое его слово было слышно в самых отдаленных углах огромного собора. О чем просил коленопреклоненный народ вместе со своим Патриархом? — О мире и о любви на потрясенной земле... «Огради нас истиною Твоею, соблюди нас силою Твоею, избави нас от всякого обстояния»...

По окончании богослужения Святейший Патриарх присутствовал на братской трапезе и в тот же день отбыл в Москву. Его машина двинулась в путь среди огромного стечения народа, собравшегося проводить своего Патриарха и получить его благословение. В благоговейной задумчивости народ стал расходиться, чтобы собраться вновь вечером на древний и вечно новый зов высокой лаврской колокольной.

Архимандрит Алексей (Дегтярев)

речи, проповеди

ЗВАНИЕ ХРИСТИАНИНА

С л о в о

сказанное в церкви Даниловского кладбища г. Москвы в день
Святого Духа

Вчера, мои дорогие, мы праздновали священное событие Сошествия Святого Духа на апостолов.

Сегодня, на другой день после этого священного воспоминания, Святая Церковь чествует Святого и Животворящего Духа, ниспослание Которого послужило началу жизни Церкви Христовой на земле. А Православная Церковь Христова, начавшая свое бытие в день Сошествия Святого Духа, — это наша Мать.

Вот почему так праздничны, так радостны для нас эти святые дни. Мы встретили день рождения нашей Святой Матери — Церкви Православной.

Когда мы стали ее детьми?

В ограду Православной Церкви ввел нас с вами Дух Святый Своєю благодатью в святом Таинстве Крещения. Это Он нас соделал детьми нашей Матери Церкви Христовой.

Каждому из нас Он даровал в дни нашего младенчества драгоценное сокровище, которым мы все обладаем: и нищие, и богатые, и ученые, и простецы.

Какое же это сокровище имеем мы, как чада Православной Церкви, хотя мы и грязны и смрадны от грехов? Это — великое звание, какое каждый из нас носит на себе как священную печать: звание православного христианина.

И вот, в день Святого Духа мне и хотелось бы напомнить вам, мои дорогие, о том, каким великим неоценимым благом является имя православного христианина; напомнить, как надо дорожить этим величайшим званием, этим величайшим даром Духа Святого, полученным нами в святой купели Крещения.

Из мученических актов, т. е. из сказаний о страданиях мучеников в первые века христианства, мы знаем, что языческие судьи перед казнью святых мучеников, допрашивая их, обращались к ним с вопросами: «Какого ты звания? Где твоя родина?». И мужественные исповедники на эти вопросы языческих судей часто отвечали так: «Я — христианин, наше отечество, наша родина — на Небе». Их пытали, заставляли назвать имя, вынуждая у них показания о том, откуда они родом,

кто их родственники. А святые мученики повторяли: «Я христианин, мое отечество на Небе».

Конечно, у этих мучеников были и свои земные звания: один был воином, другой — ремесленником, третий — земледельцем. Но в эти минуты, пред лицом смерти, они как бы забывали об этих земных званиях, не хотели и вспоминать о них, а помнили лишь о том священном звании, которое дороже и бесценнее всех благ этого земного мира. Они хотели помнить только о том, что они — православные христиане, дети своего Небесного Отца, и родина их, их вечное отечество это — Небо.

Мы знаем, что и дети, подражая взрослым мученикам, на такие же вопросы своих мучителей отвечали: «Мы веруем в Распятого и Воскресшего Господа. Мы — христиане; мы — дети христиан, мы сами христиане». И дети готовы были пострадать вместе с родителями, чтобы только не лишиться звания христианина, чтобы быть со Христом.

Вам понятно, дорогие мои, почему древние христиане так дорожили именем христианина, почему они не хотели перед судьями упоминать о земном звании, о своих земных правах, о земном отечестве. Это звание православного христианина несравнимо ни с какими благами мира: богатством, славой, ученостью. Оно — вечное наше достояние; никто не может отнять его у нас до гроба; мы с ним уйдем из этого грешного мира и с ним предстанем пред Лицом нашего Небесного Отца. И с этим своим христианским званием мы или осудимся, или прославимся. Если мы будем недостойны вечной жизни своей порочной, греховной, нераскаянной жизнью, не спасет нас и это великое звание. Если мы останемся жить с Господом до последнего своего издыхания, если в сердце своем мы не угасим, а еще более воспламеним огонь нашей любви к Сладчайшему нашему Спасителю, если в земной своей жизни мы будем укрепляться надеждой на милосердие Божие, — это звание чада Небесного Отца, эта великая честь, это великое имя православного христианина прославит верных детей Божиих в вечном Небесном Царстве.

Всякое земное звание человек может переменить, может изменить род своих занятий, род своей жизни, а это звание, как священную печать, данную в Святом Крещении, каждый из нас несет к Отцу Небесному. И кто отречется от этого звания, Господь на Своем Суде будет судить его за это отречение.

Звание православного христианина — это неисчерпаемый источник тех радостей, того счастья, какое имеет каждый из нас. Ты получил в Святом Крещении эту честь, этот дар — называться православным христианином, а с этим ты приобрел и право пользоваться всеми небесными благами в священном чертоге Церкви Христовой, раздавательницы бесчисленного духовного богатства людям.

Ты — христианин. Для тебя Господь Бог — твой Небесный Отец. И будучи православным христианином, ты знаешь в любую минуту своей жизни, особенно в самую страшную, в самую тяжкую, в самую скорбную, что у тебя есть Отец, «ниже на небесех», к Которому ты, как Его дитя, можешь с дерзновением обратиться своим верующим сердцем, с верою в то, что Господь, сказавший: «просите, и дастся вам», исполнит Свое Отеческое обещание. Ведь это о тебе, обо мне, о каждом христианине сказано в Евангелии: «Есть ли между вами такой человек, который, когда сын его попросит у него хлеба, подал бы ему камень? Итак, если вы, будучи злы, умеете даяния благие давать детям вашим, тем более Отец ваш Небесный даст блага просящим у Него» (Мф. 7, 9—11).

Ты — чадо Небесного Отца, и ты знаешь, что в те минуты, когда тебя давит и гнетет тяжкое бремя греховное, ты можешь и должен нести это бремя к Ногам Христовым с уверенностью в том, что снимет

с тебя это бремя Тот, Кто простил разбойнику на кресте и оставил нам на евангельских страницах сияющий образ Доброго Пастыря, ищущего заблудших и прощающего кающихся.

Ты — православный христианин, на тебе лежит печать Святого Крещения и это дарует тебе бесценное право со смирением и верой подходить к Святой Чаше Христовой и питать себя из нее Божественной Нетленной Пищей. Своими Божественными Тайнами Господь утоляет духовный голод и духовную жажду только тех Своих детей, кто живет и спасается в ограде Его Святой Церкви.

О, сколько благ, сколько счастья дает каждому из нас это величайшее из званий на земле!

Последние минуты земной жизни человека, сама смерть для истинного христианина улаживаются верой и любовью к Сладчайшему Спасителю, какие живут в его сердце. Ведь знаем мы, что в нескончаемой жизни будущего века всякого верного христианина ожидают вечные радости, вечный покой от всех земных скорбей и болезней, вечная жизнь со Христом. Двери и путь к этим радостям открывает нам, мои дорогие, вот это священное христианское звание, какое ношу я, носишь ты, носит каждый приходящий сюда, под своды святого храма, для того, чтобы раскрыть свое православное верующее сердце со всеми его нуждами, скорбями и болезнями перед своим Небесным Отцом.

Это дорогое для нас звание налагает на нас и великие обязанности, какие мы должны понести в своей земной жизни для того, чтобы наслаждаться всеми его благами и всеми радостями.

Истинный христианин всем сердцем любит святую веру православную. Нет для него сокровища более ценного. Он искренно, всей душой верует в Господа Бога, Творца и Промыслителя мира, верует в Господа Иисуса Христа, Сына Божия, нашего Спасителя, нашего Сладчайшего Небесного Друга, верует в Духа Святого, Животворящего, от Отца Исходящего.

Верный Господу христианин тот, кто не имеет сомнений в истинах святой веры Христовой, кто об этих истинах постоянно себе напоминает, их изучает, их в себе укрепляет, ими живет на земле и в своей вере всегда имеет опору во всех обстоятельствах жизни.

Православный христианин верует, согласно слову Христову, что Господь есть Истинный Хлеб и Виноградная Лоза, к которой каждый из нас должен быть привитым, чтобы питаться ее Божественными соками. Христианин алчет и жаждет этого Хлеба духовного и идет к Святой Чаше с этим духовным голодом. В святых Таинствах он ищет единения со своим Господом, как с Божественной Виноградной Лозой, дающей нашему духу жизненные силы.

Добрый христианин любит свой святой храм Божий, спешит под его своды, чтобы здесь дышать другим воздухом — небесным, благодатным, чтобы свое сердце, свою бессмертную душу здесь наклонить под обильный благодатный дождь благословений церковных, какие Святая Церковь нам здесь преподает. Ему дорого все в этом святом храме: святые иконы, огонек лампы; он любит поставить свечечку у любимой святыни, он чтит наши православные праздники, с благоговением готовится их встретить, провожает их с любовью ко Господу, дарующему эти святые дни для нашего духовного наслаждения. Он любит посты, учрежденные Святою Церковью, и почитает своим святым долгом по мере своих сил их соблюдать.

Что еще нужно сказать об истинном христианине? О, многое! Он стремится уничтожить в себе дух гордости и самолюбия и искренно, всей своей душой, хочет стать по зову Христову кротким и смиренным, подражая своему Спасителю. Он препобеждает в себе жестокость, себялюбие, чтобы быть милосердным и сострадательным, по примеру

своего Сладчайшего Господа, Который со слезами склонялся к чело-
веческому горю, источая из Себя неиссякаемую Божественную Любовь.

Истинный христианин боится греха, хочет вырвать из своего сердца все грязное, нечистое, скверное, сделаться свободным от своих пороков и страстей, жаждет, чтобы его душа стала достойным жилищем Духа Святаго. Это подвиг? Да! Но истинный христианин не боится этого труда, не страшится подвига. Дух подвижничества ради спасения своей души, ради жизни вечной всегда отличает истинно верующих людей.

Чадо своего Небесного Отца заботится о том, чтобы его душа становилась все благоукрашеннее, благоуханнее, чтобы она была достойной обителью для Господа, Который, живя в таком сердце, наполняет его Божественной радостью, ощущением начала вечного счастья.

Вот так, дорогие мои, надо беречь свое величайшее христианское звание — звание православного христианина, дарованное нам Духом Святым, в Его Божественной Благодати Крещения.

О, да не постыдится никто из нас в этом звании на Суде Божию!

Св. Апостол Павел завещает нам: «Горняя мудруйте» (Кол 3, 2). Думайте о небесном, стремитесь мыслью и сердцем к тому, что выше земного, потому что на земле мы живем краткое мгновение, а в жизни будущей будем жить в нескончаемых веках.

Все вы знаете, что Господь Спаситель требует от верных Своих чад: «Ищите прежде Царства Божия и правды Его» (Мф. 6, 33).

Никогда не забывайте, дорогие мои, того, что мы бессмертны. Страшно и подумать: а что, если мы переступим порог смерти обнаженными от добрых дел, бедными духовно и имея на своей совести не омытые, не очищенные слезами нашего покаяния и трудами нашей внутренней жизни духовной грязные, скверные, смрадные пятна?

Думайте о небесном! Дорожите званием православного христианина! Святой и Животворящий Дух Господень, прославляемый сегодня Святой Церковью, да будет спутником земной жизни для всех нас! Призывайте Его благодатную помощь во всех шагах вашей жизни земной, просите у Него силы в борьбе с грехами и страстями, утешения в минуты скорби, уныния, бедствий, болезней и всяких лишений. Он всегда будет с тем, кто призывает Его, ибо для того Он и посетил всех нас Своею Благодатью во Святом Крещении, чтобы сопутствовать каждому верному чаду Своего Небесного Отца в течение всей его жизни, быть для нас надежным, укрепляющим, утверждающим нас в жизни духовной и утешающим нас в скорбях и испытаниях «Сокровищем благих».

Не посраим же, дорогие мои, благодати Святаго Духа! Будем истинными православными христианами: до конца земных своих дней будем искать Царства Божия и сердцем стремиться к нашему Небесному Отцу; до последнего издыхания будем духовными воинами, побеждающими в себе греховные страсти и искушения. И да удостоит Господь Бог всех вас счастья вечно жить с Ним.

Митрополит Николай

С т т а т ь и

НЕКОТОРЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ ОТ РОССИИ

Считаю своим долгом поделиться некоторыми впечатлениями от нашего посещения Советского Союза в июле месяце 1948 г. Три года тому назад я также был с церковной делегацией в Москве, Ленинграде и Киеве. Но тогда наше посещение носило характер визита, и мы только поверхностно могли ознакомиться с жизнью тех городов, которые мы посетили. Тогда повсюду еще видны были последствия войны, не было еще и демобилизации армии.

При втором нашем посещении мы имели возможность видеть гораздо больше. Конечно, в короткой статье нельзя дать исчерпывающего доклада обо всем виденном и слышанном, трудно рассказать и о подробностях Всеправославного Совещания, в котором участвовала Болгарская делегация. Но основные впечатления передать можно.

Общее впечатление от необозримой братской страны можно выразить только восклицанием: великая страна и великий народ! Наши представления о пространстве и «больших» городах, о путях сообщения, о строительстве, об изобилии и богатствах, не могут служить меркой в России. Чтобы преодолеть расстояние от Софии до Москвы на самолете, достаточно было 7 часов. Но это очень большое расстояние. Пролетая над границей между Румынией и СССР, мы смотрели с высоты на обработанные поля Бессарабии и Украины, разделенные на широкие участки, в то время как в Болгарии участки мелкие и неправильные, а в Румынии они представляют длинные полосы. В начале великорусской области появились леса, которые делались все гуще и обширнее далее к северу. На московском аэродроме «Внуково», где мы спустились, нас поразили сотни пассажирских самолетов, которые вылетают и садятся непрерывно в течение дня, как пчелы. Такая интенсивность воздушных сообщений объясняется громадными расстояниями, для покрытия которых на поезде нужно много суток.

В Москве нельзя заметить никаких следов от войны. Движение на улицах моторизовано: всюду можно видеть много новых легковых машин советского производства. Интенсивность уличного движения не меньшая, чем раньше в Берлине. Главные улицы весьма широки. Кроме легковых и грузовых машин, на улицах Москвы можно видеть большое число автобусов и троллейбусов. Есть и трамваи, но не в центре города. Подземная электрическая железная дорога работает с полной нагрузкой; она самая совершенная в мире; большое впечатление производят станции своими богатыми украшениями.

В наше распоряжение, как и всем церковным делегациям, были да-

ны легковые машины, на которых мы ездили не только по маршрутам, предусмотренным программой нашего пребывания в Москве, но и куда угодно, например, на прогулки в городе и за городом. Иногда на 50—60 км. Главные улицы и шоссе асфальтированы. На дорожных знаках там можно видеть большие числа: 800, 1500 км до тех селений, куда ведет шоссе.

В столице Советского Союза усиленно идут строительные работы, расширяются, асфальтируются и строятся новые главные пути, ведущие из города. На некоторых из них построены, на других строятся многочисленные и большие 6—10-этажные жилые дома.

В Москву, как и полагается для столицы великого государства, все время прибывают и отбывают из нее делегации и миссии всех стран мира.

Карточная система в России упразднена. Продукты питания продаются свободно. Люди — упитанные и прилично одетые. Страна богата и производит в избытке все необходимое.

Большое впечатление производит большой процент детей.

Нельзя не заметить, что русские принимают нас, болгар, как родных, несмотря на то, что в продолжение многих лет официальный курс наших старых политиков был враждебным к России.

На всех, кто посещает православное русское богослужение, производит впечатление великое благочестие верующего русского народа. Храмы переполнены, и в то время, когда нет общественного богослужения, во многих храмах с утра до вечера священники обслуживают богомольцев молебнами, акафистами, требами. Во всех городских храмах имеются хоры певчих. Облачение и утварь — драгоценные. Богослужение — чинное. Богомольцы наполняют храм еще до начала богослужения и стоят до конца.

На всенощном бдении и Литургии некоторые песнопения поются всеми присутствующими в храме. Тишина и порядок во время богослужений — примерные.

А торжественные богослужения, когда служит Патриарх, оставляют неизгладимое впечатление. Хор в Патриаршем соборе безукоризненный. Имеется и второй хор (как и в некоторых других церквях). Замечательные хоры есть и в Ленинграде и Киеве, где мы были в 1945 году.

Отношения между Церковью и Государством взаимно благожелательные. Имеется искренность и желание преодолеть все недоразумения и трудности, какие могут возникать. Большую заслугу в этом отношении имеет Председатель Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР Г. Г. Карпов.

Открыто несколько духовных семинарий. Московская Семинария дает уже выпуски. Часть окончивших продолжает свое образование в Академии, которая снова переведена в Троице-Сергиеву Лавру, где она помещалась с 1814 года. Духовная Академия имеется и в Ленинграде.

Архиереи, священники и диаконы глубоко религиозные и благочестивые люди, всецело преданные церковному делу. Содержание клира и церковных учреждений хорошо организовано от добровольных подаяний христиан в приходских храмах. Материальное положение клириков очень хорошее.

О Всеправославном Совещании нужно сказать следующее: Святейший Алексий, Патриарх Московский и всея Руси, пригласил поместные Православные Церкви прислать свои делегации для участия в праздновании 500-летия автокефалии Русской Церкви и во Всеправославном Совещании, на котором нужно было обсудить некоторые вопросы, интересующие все Православные Церкви. Расходы делегатов в России, как и в дороге туда и обратно, были приняты за счет Русской Церкви.

Представителем Константинопольской Патриархии был Митрополит Германос, Экзарх Вселенского Патриарха для Западной Европы. Антиохийская Церковь представлялась двумя Митрополитами и одним архимандритом, которые в Москву ехали через Софию и оттуда вместе с нами. Они представляли и Александрийскую Патриархию. Иерусалимский Патриарх, по причине военных действий в Палестине, не мог послать делегатов и попросил самого Московского Патриарха представлять его. В Совещании приняли участие также Грузинский Патриарх-Католикос Каллистрат с двумя Митрополитами, Сербский Патриарх Гавриил с двумя архиереями и Румынский Патриарх Юстиниан с тремя архиереями и деканом Богословского факультета в Бухаресте. Были делегаты от Польской и Чешской Православных Церквей. Были представители заграничных Русских церквей от Парижа, Америки, Китая, Болгарии и проч. Албанская Православная Церковь была представлена одним епископом и несколькими священниками; Елладская Церковь — одним Митрополитом и одним архимандритом. Наша делегация имела в своем составе: Его Блаженство Экзарха Стефана, Пловдивского Митрополита Кирилла, Сливенского Митрополита Никодима, Архимандрита Мефодия (который остался в Москве настоятелем Болгарского подворья), протоиерея Всеволода Шпиллера и священника Климента Димитрова (от союза священников).

Торжественные богослужения с участием всех Предстоятелей и Представителей Православных Церквей уносили нас во времена Вселенских Соборов и производили глубокое и сильное впечатление не только на нас, но и на всех богомольцев, имевших счастье попасть в храм до начала богослужения.

8 июля был отслужен молебен, и торжественным заседанием в храме Воскресения в Сокольниках открылись юбилейные торжества.

На другой день состоялось пленарное заседание Всеправославного Совещания, а в следующие дни комиссии по отдельным вопросам обсуждали и вынесли резолюции, которые 17 июля и были приняты на общем заседании. Наша делегация принимала участие во всех комиссиях. Предметом суждения были следующие вопросы: 1) Об отношении Ватикана к Православию. 2) Об отношении Православных Церквей к экуменическому движению. 3) О законности Англиканской иерархии. 4) Календарный вопрос и 5) Положение Афонских монастырей.

18 июля юбилейные торжества закрылись торжественным богослужением в Троице-Сергиевой Лавре, где мы поклонились святым мощам Преподобного Сергия Радонежского, который для Русской Церкви имеет такое же значение, как для Болгарской св. Иоанн Рыльский.

До 23 июля мы осматривали достопримечательности столицы и ее окрестностей. За это время некоторые делегации уехали в Ленинград и Киев. От нашей делегации ездили в Ленинград Высокопреосвященный Кирилл и священник Климент Димитров, которые раньше там не были.

24 июля мы выехали, вместе с некоторыми другими делегациями, в Тбилиси (Тифлис). Ехали 3 суток. Дорога ведет через индустриальную область Донбасса, где еще видны следы войны, однако, заводы и рудники работают на полную мощность. Мы видели Ростов, Азовское море, проехали через северозападное предгорье Кавказа и мимо прославленных курортов Сочи, Сухуми и др. мест.

Грузия — это древняя Колхида. В ней много древностей. Мы посетили древнюю столицу Грузии Мцхет со старинными церквями и древними реликвиями. Во многих местах на скалах видны развалины старых замков. Посетили и Гори, место рождения великого Сталина, осмотрели родной его дом и музей при нем.

Тбилиси — это город с миллионным населением. В нем можно заметить много восточных элементов и в архитектуре и в быту людей.

30 июля, в день св. Марины, Грузинский Патриарх отслужил св. Литургию в старинном храме «Успения Пресвятыя Богородицы» (Сионский собор, как называют его там), а на другой день мы на самолете улетели в Москву. В течение получаса пришлось лететь мимо ледяного Кавказского хребта. Его величественный вид оставил незабываемое впечатление.

В Москве 2 августа мы осмотрели достопримечательности Кремля и, так называемую, Оружейную палату, где хранятся бесценные сокровища.

Вечером Болгарский посол дал прием в посольстве, на котором, кроме Болгарской делегации, присутствовал Его Святейшество Патриарх Алексий, Митрополит Крутицкий и Коломенский Николай, протопресвитер о. Николай Колчицкий, Г. Г. Карпов и со стороны Славянского союза СССР — генерал Гундоров и полковник Мочалов.

Мы вылетели из Москвы 3 августа на самолете вместе с Румынской делегацией. В путь провожал нас лично сам Русский Патриарх.

*
* * *

За месяц нашего пребывания в СССР мы получили так много впечатлений от всего виденного и пережитого, что к концу уже устали и более не могли воспринимать новых впечатлений. Гостеприимство было во всех отношениях отличное. Организация и порядок при проведении юбилейных торжеств и Церковного Сопещения был выше всякой похвалы. Богатство и огромные возможности великой страны привели нас прямо в замешательство. Мы желаем, чтобы больше людей нашей Родины имели возможность посетить великую Россию и поближе познакомиться с ней. Была речь о том, что в недалеком будущем будет можно посылать наших молодых людей, окончивших семинарию, продолжать свое образование в Московской Духовной Академии. Желаем, чтобы это поскорее исполнилось.

Надеемся, что один из участников нашей делегации напишет отдельную книгу о наших переживаниях и впечатлениях. А то, что изложено в этом очерке, дает только слабое представление о разнообразии и величии всего виденного нами в СССР.

Никодим, Митрополит Сливенский

Перепечатано из № 29—30 «Церковного Вестника» — органа Болгарской Церкви.

ЦЕРКОВНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВОЙ ЛАВРЫ В ИСТОРИИ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА

(Краткий исторический очерк)

I

В «Житии» Преподобного Сергия рассказывается, как однажды, поздним вечером, стоя на молитве, он услышал голос: «Сергий!». Изумленный этим необычным зовом, Преподобный открывает окно и видит такую картину. Монастырь озарен светом, превосходящим дневной, и св. Сергий снова слышит голос: «Сергий! ты молишься о своих чадах, и Господь принял твою молитву, — смотри, какое множество иноков сошлось во имя Святыя и Живоначальныя Троицы в твою паству и под твое руководство». Преподобный Сергий взглянул и увидел множество птиц, «зело красных», которые не только наполняли весь монастырь, но летали и кругом его. А таинственный голос продолжал: «как видишь ты этих птиц, так умножится стадо твоих учеников, и по тебе не оскудеют они, если восхотят последовать стопам твоим». Потрясенный необычайным зрелищем Преподобный стал звать ектlesiарха Симона, келья которого находилась по соседству, но Симон успел увидеть только конец чудесной картины.

Еще при своей жизни Преподобный Сергий мог видеть исполнение чудесного обетования. Если преподобные Антоний и Феодосий Печерские были основателями монашества в Южной Руси в до-монгольский период, то Преподобного Сергия следует считать насадителем монашества на русском Севере в период складывания и формирования русского государства. Составитель Воскресенского летописного свода, рассказав о кончине Преподобного Сергия, добавляет, что он «бе начальник и учитель всем монастырем, иже на Руси»¹. И действительно, Преподобный Сергий по праву называется Игуменом земли Русской, ибо, кроме Троицкой обители, он явился непосредственным основателем целого ряда других монастырей. Строением монастырей известны и многие ученики и «собеседники» Преподобного Сергия. По подсчету В. О. Ключевского, из Троице-Сергиева монастыря в XIV ст. выделилось 13 пустынных монастырей-колоний и 2 монастыря в XV в. Но из монастырей-колоний выходили новые искатели «пустынного жития» и образовывали новые монастыри. По подсчету того же В. О. Ключевского, в XIV и XV ст. из Троице-Сергиева монастыря и его колоний образовалось 27 пустынных и 8 городских монастырей². Близко к В. О. Ключевскому подходит и Е. Голубинский, приписывающий Преподобному Сергию и его ближайшим ученикам и собеседникам основа-

¹ Полное собр. Русских летописей, т. VIII, стр. 62.

² В. О. Ключевский, Курс Русской истории, ч. II, стр. 315.

ние около 30 монастырей¹. Оба историка добавляют, что все эти монастыри были нового, Сергиевского типа. Они построены были хотя и не в настоящих пустынях, но во всяком случае вне мирских жилищ и в некотором отдалении от городов и больших селений. Другую особенностью Сергиевских монастырей является то, что эти монастыри были общежитными и сменили прежние особножитные.

II

Важное значение древнерусских монастырей доказывать не приходится. Это были очаги летописания, школьно-просветительной деятельности, хранители древнерусских книжных фондов, рассадники образованного (по тому времени) духовенства. С наступлением тяжелой поры татарского ига русский человек стал искать более покойных мест для своего обитания и уходил подальше от человеческого жилья. Города часто подвергались набегам со стороны татар, гибли во время княжеских усобиц. Сходили со сцены богатые основатели и покровители монастырей. Среди новых монастырей преобладают монастыри «пустынножительные». Из свыше 100 монастырей, известных нам до конца XIII столетия, «пустынных» монастырей не насчитывалось и десятка, да и это небольшое количество приходилось исключительно на XIII век. С XIV века число пустынных монастырей на севере быстро растет. Возникшие в XIV столетии монастыри распадаются пополам между «пустынными» и городскими (42 и 42). В XV в. новых пустынных монастырей насчитывалось уже 57, а новых городских — 27; в XVI в. новых пустынных монастырей было организовано 51, а городских только 35. Таким образом за три века (XIV—XVI) в Московской Руси возникло приблизительно 150 пустынных и 104 городских и пригородных монастырей². Инициативу открытия пустынного монастыря брали на себя иноки, любители «безмолвного жития», которые тяготились мирской суетой, проникавшей в тот монастырь, где они жили до этого. Спасаясь от «молвы», они уходили на новое место и основывали новый монастырь, являвшийся как бы колонией прежнего. Три четверти пустынных монастырей в XIV и XV веках образовались именно таким образом. Ведущую роль в этом отношении занимал Троице-Сергиев монастырь³.

Важная роль монастырей в распространении и углублении в сознании русских людей истин христианской веры не вызывает каких-либо сомнений. Но древнерусские монастыри имели и большое хозяйственное и политическое значение. Продвигаясь к студеному морю-океану, монастырь расчищал туда дорогу и для крестьянских поселений. Иногда впереди этого колонизационного процесса шел монастырь, иногда впереди двигался крестьянин. По наблюдению В. О. Ключевского, монастырская колонизация встречалась с крестьянской и служила ей невольной путеводительницей⁴.

По сказанию целого ряда «Житий» иноков в поисках безмолвия и места, идеже без молвы Богу угодити, селился там, где не было человеческого жилья, «отнелиже солнце в небеси», «прежде никомуже от человек тамо на ней пребывающую».

Избрав место, годное для постройки монастыря, новый поселенец строил «хиз» для своего обитания и часовню для отправления церковной службы. Слух о новом монастыре мало-по-малу привлекал и других пустыннолюбцев, и скоро сюда начала стекаться братия. «Хиз» превра-

¹ Е. Голубинский, цит. соч., стр. 87.

² В. О. Ключевский, цит. соч., стр. 312.

³ Там же, стр. 310—314.

⁴ Там же, стр. 313.

шался в монастырь, а часовня в церковь. Постепенно монастырь стал осваивать соседние земли, ставились починки и деревни, расчищалась пашня, заводились нивы и «искажалась пустыня». Небольшая «вотчинка» превращалась в «многовотчинную» с большим количеством сел, деревень и починок и с достаточным количеством вольных и невольных слуг. В ряде известных нам случаев возле разросшейся монастырской вотчины образовывался большой посад с торгово-ремесленным населением, ярмаркой и т. д. Многие русские монастыри превращались в своего рода крепости, выдерживавшие длительную осаду. Так, например, крепостью являются монастыри: Троице-Сергиев, Саввин-Сторожевский, Соловецкий, Калязинский, Желтоводский и некоторые другие.

В истории русского монашества Преподобный Сергей известен не только как строитель монастырей, но и как преобразователь монастырской жизни. С его именем связано введение в северо-восточной Руси так называемых общежитных монастырей. Общежитные монастыри имели то преимущество перед особножитными, что они давали большие возможности налаживать бытовые условия для развития нового монастыря. Монастырская община, естественно, с большим удобством могла осваивать земли и заводить крупное земледельческое и промысловое хозяйство, чем монахи-одиночки. Излишне говорить, что в общежитном монастыре легче было наладить и организовать монашескую жизнь, чем в особножитных монастырях, легче было поддерживать монашескую дисциплину. С принятием христианства из Византии на Русь перешли особножитные монастыри. Первыми введенными у нас, на Руси, общежитный монастырский устав, были преподобные Антоний и Феодосий Печерские. Но с течением времени особножитный устав взял верх. Преподобному Сергию приходилось заново восстанавливать общежитный устав и вводить его в своем монастыре. Нельзя сказать, чтобы эта реформа проходила безболезненно и не встречала противодействия. Видимо, поэтому ближайший друг Преподобного Сергия Митрополит св. Алексий исхлопотал у Константинопольского Патриарха грамоту, которая одобряла и благословляла введение «общежития» в Троице-Сергиевом монастыре¹. По примеру своего учителя, Преподобного Сергия, стали заводить общежитие в своих монастырях и его ученики. В скором времени общежитные монастыри полностью вытеснили особножитные.

III

Строгий отшельник, удалившийся от мира, отказавшийся даже от архиерейского сана, Преподобный Сергей был пламенным патриотом и принимал участие во всех крупных событиях, связанных с судьбой нашей Родины.

Во второй половине XIV в. русский народ начал вести борьбу с татарами за свое освобождение от татарского ига. Когда великий князь Димитрий Иванович отправлялся в поход против Мамаю, он счел необходимым побывать в Троице-Сергиевом монастыре, чтобы взять у Преподобного Сергия благословение на свой ратный подвиг. Преподобный благословил великого князя, обещая ему помощь свыше и вечную славу. При этом Преподобный Сергей отправил в войско Димитрия двух монахов: Александра Пересвета и Родиона Ослабу некогда, в миру, испытанных полководцев и бойцов. Когда русское войско подошло к реке Дон и требовалось решить очень важный вопрос: переправляться ли через Дон, или ожидать врага, не переходя реки, мнения разделились.

¹ Е. Голубинский, цит. соч., стр. 103—104; стр. 38—47.

На Дмитрия и его воевод повлияла полученная в это время грамота от Преподобного Сергия: «...а ты, господине, — писал Преподобный, — иди. А поможет тебе Бог и Пречистая Богородица»... Переправа состоялась. 8 сентября 1380 г. произошла хорошо памятная в истории русского народа битва на Куликовом поле.

Куликовская битва нанесла сильный удар татарскому владычеству, но татарское иго официально продолжало существовать еще сто лет. Для окончательной ликвидации его требовалось полное объединение раздробленных русских земель в единое мощное Русское государство. В своей объединительной деятельности великие князья московские опирались на поддержку Церкви. В 1386 г. Преподобный Сергий по договоренности с великим князем Дмитрием Ивановичем, совершил поездку в Переяславль Рязанский (нынешняя Рязань) и провел беседу с князем Олегом Ивановичем о мире и взаимной поддержке. Кроткий старец, прославленный святою жизнью, сумел убедить князя Олега в необходимости прекратить распри и вражду и заключить мир и союз с великим князем Московским. Этот мир оказался весьма прочным. Несколько лет пред этим, в 1365 г., Преподобный Сергий путешествовал в Нижний Новгород, чтобы прекратить вражду между братьями-соперниками Дмитрием и Борисом Константиновичами из-за Нижнего Новгорода, который захватил Борис Константинович мимо своего брата. Когда Борис упорствовал, Преподобный Сергий закрыл все церкви в Нижнем Новгороде и прекратил отправление богослужения. Борис смирился.

С 1430 г. в течение свыше 20 лет великое княжество Московское раздиралось затяжною феодальною войною между великим князем Московским Василием Васильевичем Темным и его дядей Юрием Дмитриевичем и двоюродными братьями Василием Косым и Дмитрием Шемякой. Война велась за великое княжение и велась с переменным успехом. Церковь в лице нареченного Митрополита Рязанского епископа св. Ионы стремилась прекратить братоубийственную войну и поддерживала великого князя Московского Василия Васильевича. Троицкий игумен Зиновий в 1442 г. у гроба Преподобного Сергия примирил великого князя с его двоюродным братом Дмитрием Юрьевичем (Шемякой) и заставил их поцеловать крест о прекращении враждебных действий. Но присяга эта была нарушена. Василий Васильевич 13 февраля 1446 г. был схвачен у гроба Преподобного Сергия, доставлен в Москву и ослеплен Шемякой.

Большую роль Троице-Сергиев монастырь играл в начале XVII в. в деле освобождения нашей Родины от польско-литовских захватчиков. Потерпев неудачу с первым самозванцем, польско-литовская шляхта выставила нового самозванца, расположившегося в Тушине. В Тушинском лагере собралось значительное количество польско-литовского шляхетского войска, которое грабило и разоряло русскую страну. На русском престоле сидел Василий Иванович Шуйский. Чтобы достигнуть полной победы польско-литовские тушинцы должны были взять Москву. Однако при помощи военной силы они этого не смогли бы добиться. Решено было блокировать русскую столицу и взять ее измором. Полная блокада Москвы возможна была бы только в том случае, если бы польско-литовской шляхте удалось захватить Троице-Сергиев монастырь, являвшийся значительною крепостью. 23 сентября 1608 г. гетман Ян Петр Сапега подошел с тридцатитысячным войском к монастырским стенам. Высота стен вместе с зубцами доходила до 4 сажен; в стене были устроены в 2—3 яруса бойницы или амбразуры для выстрелов. По углам стены возвышались 12 башен. Монастырь имел большие запасы хлеба и других продуктов. За монастырские стены сбегались крестьяне выжженных слобод и деревень со своими хлебными запасами. Сюда же они согнали домашний скот. Кадровых военных людей было немного:

несколько десятков дворян и детей боярских, несколько сотен стрельцов и казаков составляли основное ядро защиты. Но к оружию стали и монастырские слуги и монахи. Сторожевую службу несли и женщины. Архимандрит Иоасаф проявил большие организаторские способности, поддерживая боевой дух не только у рядовых бойцов, но и у воевод (Григория Долгорукого и Алексея Голохвастова), неприязненно относившихся к царю Василию Ивановичу Шуйскому. Осажденные делали вылазки и отражали врагов с лозунгом: «Святой Сергий!» Среди осажденных выявились действительные герои. Клементьевские крестьяне Шилов и Слата взорвали подготавливавшийся врагом подкоп, но при этом они погибли и сами. Храбрыми воинами оказались крестьяне: Иван Внуков, Иван Есипов и монастырский служка Даниил Селевин и некоторые другие. Польско-литовское шляхетское войско так и не смогло взять приступом Троице-Сергиев монастырь, «лукошко», как его презрительно называли в Тушинском лагере. Монастырь мужественно выдерживал осаду, несмотря на отсутствие топлива, смертность, благодаря скудности населения, распри среди командного состава и другие невзгоды. Вера в помощь Божию и в заступничество Преподобного Сергия вызывали одушевление среди защитников монастыря. 12 января 1610 г. Ян Петр Сапега, убедившись в бесполезности дальнейшего стояния под монастырем, снял осаду. Блокада Москвы таким образом не удалась. В освободившийся от осады монастырь вошел воевода Михаил Васильевич Скопин-Шуйский.

Монастырь на алтарь Отечества принес еще одну жертву: предоставил в распоряжение воеводы запасы хлеба и несколько тысяч рублей денежной казны¹.

Прошло немного времени: два года с небольшим; но за этот срок произошли крупные события. Распался тушинский лагерь, началась открытая польская интервенция, королем был взят Смоленск, а шведы захватили Новгород. Москва была оккупирована польско-литовскими войсками. Попытка московского населения изгнать интервентов в марте 1611 г. закончилась сожжением Москвы. Первое ополчение распалось. Но русский народ не сложил оружия. Из Нижнего Новгорода двигалось новое ополчение под командой кн. Д. М. Пожарского, ставшее общерусским. В исторической литературе иногда высказывается мысль, что ополчение в Нижнем Новгороде создано было благодаря грамоте троцкого архимандрита Дионисия (Зобниковского). Что архимандрит Дионисий рассылал патриотические грамоты, это вполне реальное предположение. Но нет никаких оснований отрицать, что зачитывалась в Нижнем Новгороде грамота Патриарха Гермогена.

Продвигаясь (из Ярославля) к Москве, второе ополчение 14 августа 1612 г. достигло Троице-Сергиева монастыря и некоторое время простояло между монастырем и Клементьевскою слободой. Патриарха Гермогена в это время в живых уже не было и продолжателем его патриотического подвига стал архимандрит Дионисий и другие «власти» Троице-Сергиева монастыря. Архимандрит Дионисий торопил ополчение поспешить к Москве. 18 августа ополчение направилось к Москве, сопровождаемое благословением архимандрита с братией. С войском направлялся к Москве келарь Авраамий Палицын. Под Москвой действовали казачьи отряды под командой кн. Трубецкого. Первоочередной задачей ополченцев было не пропустить в Москву гетмана Ходкевича с продовольствием для заблокированного в Кремле и Китай-городе

¹ Главным источником для истории осады Троице-Сергиева монастыря является «Сказание Авраамия Палицына», опубликованное в Русской исторической библиотеке, т. XIII; и отдельным выпуском. Кроме общих курсов Соловьева и Иловайского («Смутное время»), можно находить соответствующий материал у Кедрова «Авраамий Палицын» («Чтения в Общ. ист. и древ. Росс.» 1886 г., т. IV).

польско-литовского войска. Многое зависело от того, как поведут себя казаки Трубецкого. Между тем казаки требовали денег и отказывались идти в бой без денежного вознаграждения. Денег в нужном количестве не было. Д. М. Пожарский обратился к келарю Авраамии Палицыну с просьбой убедить казаков идти в бой. Авраамий явился к казакам и убедил их идти в бой. С криком: «Сергиев!», «Сергиев!» казаки бросились на обоз Ходкевича. Последний отступил.

Но подъем патриотического чувства у казаков был непродолжительным. Не прекращались разногласия между Пожарским и Трубецким. Из Троице-Сергиева монастыря последовала грамота, адресованная обоим вождям и убеждавшая их притти к соглашению и объединенными силами изгнать польско-литовских захватчиков. Троице-Сергиевы власти не ограничивались только грамотами, но готовы были и на материальные жертвы. Когда казаки вторично отказались идти в бой и хотели разойтись, Авраамий Палицын за отсутствием в данный момент в монастырской казне денег предложил казакам взять в залог, пока монастырь соберет деньги, дорогую церковную утварь. Это предложение произвело сильное впечатление на казаков. Они отказались от залога и вынесли решение воевать до полного освобождения Родины.

В октябре 1612 г. Москва была очищена от польско-литовских захватчиков. Среди русских патриотов, содействовавших освобождению Родины, наряду с Мининым, Пожарским и Гермогеном следует назвать имена Троицкого архимандрита Дионисия Зобниковского и келаря Авраамия Палицына.

Конец XVII ст. в истории русского государства был тревожным. Добивавшаяся власти царевна Софья Алексеевна замышляла устранить с дороги Петра. Для достижения своей цели Софья стремилась использовать силы стрельцов. В ночь с 7 на 8 августа в село Преображенское, где обычно жил Петр, прибежали преданные ему лица с известием, что в Кремле собираются толпы стрельцов, чтобы идти в Преображенское «с бунтом». Петр поспешно усакал в Троице-Сергиев монастырь. Архимандрит Викентий приложил все усилия, чтобы создать соответствующие условия для безопасности высокопоставленного гостя. На другой же день сюда стали стекаться сторонники Петра, и монастырь превратился в вооруженный лагерь. В монастыре оказался и Патриарх Иоаким. В монастыре Петр оставался до 6 октября, до тех пор пока не были казнены активные участники восстания, а Софья не была заточена в монастырь. С перенесением столицы в Петербург Троице-Сергиев монастырь не мог уже играть прежней политической роли, но прежнее крупное значение в церковной жизни он сохранил. В 1738 г. последовал указ императрицы Анны Иоанновны об открытии в Троице-Сергиевой Лавре Духовной Семинарии, которая в 1742 г. и была открыта. В 1814 году в Лавру была переведена из Москвы Духовная Академия, которая заменила существующую здесь Духовную Семинарию. За свое свыше чем вековое существование под сенью Троице-Сергиевой Лавры Московская Духовная Академия насчитывала среди учащихся и учащихся много славных имен. Среди профессуры были такие крупные имена, как А. В. Горский, Е. Е. Голубинский, Д. Ф. Голубинский, Ф. А. Голубинский, Н. Субботин, В. О. Ключевский и многие, многие другие. Питомцы Академии занимали и занимают посты на разных поприщах. Из той же школы вышел и Святейший Патриарх Алексий. Закончим наш краткий очерк тем, с чего мы его и начали. Обетование, данное Преподобному Сергию во время его чудесного видения, непреложно.

В. Васильев

РАБОТА КАТОЛИКОВ И ПРОТЕСТАНТОВ В КИТАЕ

За последние год-полтора из Китая на Родину, в Советский Союз, вернулось много русских из православного духовенства и мирян, живших там долгое время. В своих рассказах о жизни в Китае они много внимания уделяют деятельности католических и протестантских организаций, которые под покровом религии ведут там не столько религиозную, сколько политическую работу, направленную, с одной стороны, на подчинение китайского народа влиянию своих стран, а с другой — против нашего Отечества.

О том, что иностранные государства в Китае издавна используют духовные миссии западных исповеданий в политических целях свидетельствуют как непосредственные наблюдения вернувшихся из Китая русских, так и некоторые литературные источники. В последних можно встретить довольно ясные указания на примеры согласованной деятельности духовных миссий и их дипломатических покровителей. Так, приехавшие рассказывают, что в свое время на Дальнем Востоке пользовался большой известностью английский журналист Путнэм Уил, настоящее имя которого Ленокс Симпсон. В своей книге об осаде Пекина в 1900 году, во время так называемого боксерского восстания, он пишет, что представители иностранных посольств в Пекине получали сведения о восставших прежде всего от католического епископа, который, в свою очередь, получал их из католических приходов в Северном Китае, где тогда сосредоточилось китайское национальное движение против засилья иностранцев.

Благодаря разветвленной организации духовных миссий, иностранцы и теперь отлично осведомлены о внутренней жизни Китая. Внедряясь во все сферы духовной, общественной и даже экономической жизни, католические и протестантские миссионеры внимательно изучают психологию различных слоев китайского населения, чутко прислушиваются к пульсу страны и благодаря этому всегда могут быстро и довольно точно поставить политический диагноз, полезный для политики своих правительств, имеющих большие интересы в Китае.

Будучи чрезвычайно многочисленными, духовные миссии западных исповеданий и различных сект составляют довольно густую сеть, которая охватывает весь Китай. Так, по данным 1937 года, перед самым выступлением японцев, в Китае было 3 934 175 китайцев-католиков. Во главе Китайской Католической Церкви тогда значилось 94 епископа, из них 24 — китайской национальности. Следует принять во внимание, что эти епископы-китайцы воспитывались в католических монастырях и завершили свое образование в Риме, где и были рукоположены самим папой.

В подчинении епископов, управлявших 121 викариатом, имелось тогда 2 636 священников-европейцев и 1 822 священника-китайца. Необходимо также учесть наличие в Китае значительного числа монахов и

монахинь. В 1936—1937 годах одних монахинь насчитывалось до 6 000 человек. Эта армия католических миссионеров до сих пор непрерывно пополнялась и росла за счет воспитанников католических семинарий, которые в тех же годах обучали 547 европейцев и 142 китайца. Само собой разумеется, что все европейские представители католического клира отлично владеют китайским языком.

Духовные организации западных исповеданий в Китае располагают большими материальными средствами, которые в значительной своей части составляют за счет китайского народа. О богатствах Римско-католической Церкви в Китае можно составить некоторое представление по следующим фактам. На бывшей французской концессии Шанхая находится старый иезуитский монастырь Зиккавей, имущество которого оценивалось в 1938 году в два миллиарда золотых франков. Известно также, что в Шанхае католические монахи владеют огромными домами, пристанями, складами, фабриками, кинотеатрами, гостиницами и другими учреждениями, дающими огромные доходы. За счет китайского народа оплачивают свои расходы и протестантские духовные организации.

В общем материальные ценности духовных миссий в Китае настолько огромны, что известный экономист Рёмер в своей книге «The Foreign investment in China», исчисляющий коммерческие капиталовложения иностранцев в Китае в $3\frac{1}{2}$ миллиарда долларов, указывает, что кроме того стоимость имущества разных христианских миссий в Китае выражается, примерно, в такой же сумме и что, таким образом, иностранцы вложили в Китай 7 миллиардов золотых долларов.

Такие огромные материальные средства позволяют духовным миссиям и организациям не стесняться в выборе методов пропаганды, развиваемой не столько в интересах подлинного христианства, сколько ради политических целей и планов своих стран. О размахе «просветительной» деятельности католических организаций можно судить по следующим данным: в Бейпине и Шанхае до последнего времени было три католических университета; кроме того, в руках католиков находится 58 средних и 2 985 начальных школ для мальчиков, 45 средних и 1 298 начальных школ для девочек и 11 536 детских садов.

Издательская деятельность католиков в Китае также весьма обширна. Обладая многочисленными типографиями, католические миссии издают ряд газет и журналов на китайском, английском, французском и русском языках. Им же издается большое количество картографических материалов по Китаю. Чтобы завоевать авторитет во мнении китайского общества, католические организации учреждают и поддерживают краеведческие музеи, метеорологические станции и другие учреждения, имеющие мало общего с христианизацией китайского народа.

Многочисленны и большей частью весьма богаты католические храмы в Китае. В этой огромной стране нет ни одного значительного города, над которым не возвышались бы стрельчатые башни католических соборов. Такой собор, как собор св. Игнатия в Шанхае, вмещает свыше 3 000 молящихся. И при каждом храме, при каждом монастыре обязательно существуют различные мастерские, а при некоторых монастырях имеются даже крупные производственные и сельскохозяйственные предприятия, на которых под руководством монахов работает много китайцев.

Таким образом, католическая община в Китае является весьма мощной и активной организацией. Она крепка не только своей материальной базой, но и внутренней солидарностью своих членов. Обычно китайцы, окончившие католические школы, сохраняют между собою тесную связь и, достигая видного служебного или общественного положения, выдвигаются на посты руководителей многих католических организаций. Много католиков-китайцев служит в полиции — китайской и иностран-

ной, благодаря чему католики имеют своих людей буквально всюду и весьма искусно пользуются этими связями в своих интересах. Жизнью католической общины в Китае управляет папский апостольский делегат в сане архиепископа. Долгое время им был делегат Ч. Константины, которого в 1933 году сменил М. Закини — оба итальянцы.

Совершенно ясно, что такая сильная, сплоченная и управляемая из одного центра организация, как Римско-католическая Церковь в Китае, всегда активно действует в интересах Рима и является большой политической силой, так сказать, государством в государстве. Конечно, не в одном Китае понимают, зачем посылает Рим свои дисциплинированные когорты миссионеров в разные страны. Если бы это делалось только для евангельского благовестия, для приведения народов ко спасению во Христе, то в осуществлении этой великой миссии они следовали бы Христовым Апостолам. На деле же посланцы Рима настойчиво внедряются во все поры общественной и даже экономической жизни и проповедуют не столько Евангелие, сколько послушание папскому престолу. Об этом ясно свидетельствуют методы их работы, насквозь пронизанные лукавством дипломатии и соображениями чисто человеческого расчета. Поэтому неудивительно, что народы, стремящиеся к освобождению от власти капитализма, называют Римско-католическую Церковь реакционной, определяя этим эпитетом ее чисто земную устремленность к державному государству над наследием Божиим.

В связи с этим интересно проследить политику Рима в Китае с того момента, когда там ясно определился успех народно-демократического движения. Как известно, в 1926—1927 гг. в южном Китае у власти встало Кантонское правительство, на первых же порах обратившее особое внимание на опасность папского империализма. Возникшая угроза заставила католиков созвать в Шанхае большой съезд католического духовенства, на котором присутствовало 115 делегатов, в том числе 49 епископов. А когда начался поход новой национально-демократической армии Китая против северных милитаристов и стала все более обнажаться антинародная роль Католической Церкви, папе Бенедикту XV пришлось выступить с энцикликой («Ab ipsis Pontificatus»), в которой он, отрицая антигосударственную деятельность католического духовенства, предписывает ему заниматься в Китае исключительно церковными делами. В том же 1926 году в Риме, в соборе св. Петра, были рукоположены в епископы первые китайцы, в числе 6 человек, тогда как до того времени епископами в Китае были лишь иностранцы. К чему приведет политическая изворотливость Рима в дальнейшем — покажет весьма недалекое будущее.

Теперь же обратим внимание на немалые усилия католических миссий в Китае, направленные на подготовку своего проникновения к народам Советского Союза. Как на пример таких намерений приехавшие из Китая указывают на деятельность архимандрита греко-римского обряда о. Фавиана Абрантовича, появившегося в 20-х годах среди украинских и русских эмигрантов в Харбине.

Проповедуя необходимость объединения Западной и Восточной Церквей под главенством папы, о. Фавиан очень скоро завоевал обширную аудиторию для своей проповеди: он построил на Большом проспекте большой конвент для русских девочек, создал лицей св. Николая для русских мальчиков и еще одно учебно-воспитательное учреждение около Старого Харбина. В конвенте католические монахини воспитывали и учили русских девочек совершенно по-католически, а в лицее св. Николая с мальчиками поступали несколько осторожнее: от Православия явно не отвлекали, но воспитывали, конечно, в духе полного уважения к Риму. Богослужения в домовых церквях совершали по греческому обряду, зато, принимая учеников на полное содержание, внушали

им убеждение в полном бескорыстии папы; их священники имели вид русских батюшек — зато при лице издавался журнал с тонкой пропагандой превосходства Римско-католической Церкви.

В то же время администрация лицея стремилась всеми способами установить широкие связи с представителями русской эмигрантской интеллигенции. С этой целью она охотно предоставляла помещения лицея для устройства собраний, лекций, докладов, диспутов, издавала журнал и распространяла журналы, издаваемые Греко-католической Церковью в других странах. В состав преподавателей лицея принимались лица только с известным общественным положением: военные, журналисты, ученые. Выпускались брошюры, пропагандирующие Владимира Соловьева с его симпатиями к католицизму. Словом, употреблялись все усилия к тому, чтобы завоевать симпатии русских, благодетельствовать их и тем самым поставить в определенную зависимость от себя. Но с углублением католической пропаганды, ее методы, вначале тонкие и благовидные, постепенно обнажались в своей истинной целеустремленности. Если при архимандрите Фавиане лицей не настаивал прямо на обращении русских мальчиков в католичество и стремился вовлечь их в подданство папы при помощи единства в обряде, то при его преемнике о. Иосифе Яворко не желающих перейти в католичество безжалостно удаляли из лицея.

Упорство католических деятелей в привлечении на свою сторону русских в Китае можно проследить и на другом примере. Когда в 1931 году японцы вторглись в Манчжурию и учредили там марионеточное правительство, то оно было признано прежде всех Римом, что обеспечило католическим организациям в Манчжоу-Го известную свободу и спокойствие. Но большая часть русского православного населения вынуждена была бежать из-под гнета японцев на юг, где оно во множестве оседало в Шанхае. И вот пропаганда католиков настигала русских и там в виде быстро организуемых учебно-воспитательных заведений для русской молодежи. В Шанхае, например, был открыт колледж св. Михаила, во главе которого встал католический священник, научившийся русскому языку в Русской коллегии в Риме. Вокруг этого католика-англичанина вскоре образовался тесный круг католических священников других национальностей, принадлежавших, однако, к греческому обряду и отлично говоривших по-русски.

Для русских девочек в Шанхае была также открыта школа с прямой целью вырвать детей из-под влияния Православной Церкви. Многие способные юноши из колледжа св. Михаила и из лицея св. Николая, отправлялись для подготовки в Рим, откуда возвращались в Харбин молодые католические священники из белорусцев и украинцев.

В значении и целях такой заботы католиков о русских сомневаться не приходится. В беседах с русскими руководители католических школ говорили: «Наша задача состоит в объединении Церквей под верховенством папы, как наместника князя апостолов, св. Петра. Мы будем в свое время работать в России. Наш план рассчитан на сто лет».

Из этого можно заключить, что Римская Церковь, являясь по существу церковным государством, упорно стремится подготовить себе путь к проникновению в сферу православных народов, но не ради подлинного единения в духе Христовом, а для того, чтобы приобрести Римскому престолу новые церковные колонии.

*
* *

Итак, мы видим, сколь велика и куда направлена католическая пропаганда в Китае. Однако работа и влияние протестантских миссий едва ли не превосходят там деятельности Римского престола. Первые миссионеры-протестанты были направлены в Китай в 1807 году от имени

Лондонского Миссионерского общества, которое уже имело значительный опыт такой работы в Индии. Перед японским вторжением в Китай в 1937 году там существовало уже 17 британских организаций протестантского толка, 64 канадских, 23 европейских и ряд протестантских объединений других национальностей. Всего к этому времени в Китае насчитывалось 136 протестантских организаций-церквей, имевших в своем составе 6 150 миссионеров — европейских и американских. А общее число протестантских станций достигало тогда 1 130.

По имеющимся сведениям, перед японским вторжением в Китай там действовали следующие главные «церкви»: адвентисты, англиканцы, баптисты, братья, ученики, евангелисты, методисты, меннониты, пресвитериане, реформисты, объединенные братья, объединенная церковь Канады, китайская внутренняя миссия, церковь Христа в Китае, китайское миссионерское общество и ряд независимых церквей. Все эти церкви объединяли тогда до одного миллиона своих последователей. Руководство ими осуществлялось, помимо 6 150 американских и европейских священников, еще тщательно обученными священниками-китайцами в количестве 14 500 человек. Большинство из них побывало в Америке, где они прошли специальную подготовку. Последние данные говорят о том, что число протестантских станций по Китаю возросло до 1 207, при которых имеется 4 500 воскресных школ, обучающихся до 240 тысяч учеников.

Несмотря на многочисленность «церквей» и разнообразие их национального состава, они в своих действиях едины: «идут врозь, а бьют вместе», как говорят русские очевидцы. Деятельность церквей в Китае возглавляется Национальным Христианским Советом — одним из 27 национальных христианских советов, рассеянных по всему миру. Национальный Христианский Совет Китая был предложен к образованию еще в 1910 году на Мировой Конференции миссионеров в Эдинбурге (этом предвестнике экуменических съездов). Однако он возник не сразу. Сначала образовался «Постоянный Комитет для развития работы в Китае», во главе которого встал мистер Лобстейн и мистер Чен-Цзин-И. При этом Комитете работал очень важный отдел обмена информацией по работе в Китае и по разным консультациям. Работа этого Комитета продолжалась до 1922 года, когда в Шанхае собралась Миссионерская Конференция, избравшая уже Национальный Христианский Совет Китая.

Этот Совет создал затем особую организацию под названием «Постоянный Комитет по религиозному воспитанию при Национальном Христианском Совете». То религиозное воспитание, которое несет Китаю эта организация, осуществляется особым Бюро, объединяющим собою три Совета: по религиозному воспитанию, по среднему образованию и по высшему. Председателями этого Бюро были самые деятельные и образованные члены протестантских миссий в Китае, а именно: проф. университета св. Иоанна Ф. Потт (1923—1925); его сменил д-р Лю, проф. Яньцзинского университета (1925—1928); за ним председательствовал д-р Янь, проф. Центрального Медицинского колледжа (1928—1931); далее правил деятельностью Бюро проф. Лин из Фунцзянского университета (1931—1933), затем проф. Янь из университета в Сучжоу и снова д-р Лин (1935—1937).

Нас особенно интересует деятельность Национального Совета по Христианскому воспитанию в Китае, возникшего в 1931 году. Среди задач, которые ставит себе этот Совет, мы отметим лишь самые существенные. Первую из них можно сформулировать так: собирание самого последнего, самого свежего материала обо всем, что происходит в Китае. Естественно, что искомый материал собирается на основе тех сведений, которые поступают с мест от миссионеров, от педагогов и других работников станций. Деятели, доставляющие такие сведения, явля-

ются обычно долговременными жителями Китая, отлично знают его язык и письменность и вообще близки к разным областям общественной и экономической жизни страны. Легко понять, какую важность представляет для империалистического мира такой налаженный и постоянный источник информации. Второй задачей Совета является подготовка учителей и работников всех степеней по христианскому воспитанию в Китае. Не приходится сомневаться в том, что эта работа сопровождается далеко не христианскими намерениями и планами.

Ко времени японского вторжения в Китай во главе Совета по Христианскому воспитанию стояли: председатель — епископ Франк Прайс, д-р Лю, известный статистик по Китаю, генеральный секретарь Совета д-р Мяо, секретарь-американец С. Райс и пом. секретаря — тоже американка мисс Мэбл Наулин. Таким образом, в этих организациях, как бы в тени, стоят американцы и руководят информацией в Китае.

Из вышеуказанных задач Совета по Христианскому воспитанию можно заключить и об основном направлении деятельности протестантских организаций в Китае. В то время, как католические миссионеры умело прикрывают земные намерения Римского престола конфессиональными целями, протестантские деятели отодвигают их на задний план в соответствии с рационалистическим духом своего облегченного и урезанного христианства. На первом же месте у них стоит практическая задача сервиса, обслуживания ближних, забота о их нуждах. Это было бы хорошо, если бы вся обширная система протестантского сервиса не оказывалась каким-то роковым образом связанной с обслуживанием буржуазных интересов, а также империалистических планов известных стран.

С христианской точки зрения нужно считать весьма похвальной деятельностью протестантских миссий, организующих медицинское обслуживание китайского населения. В 1937 году эти миссии имели много амбулаторий, 270 госпиталей на 18 250 коек, обслуживших за год 240 тысяч пациентов. К этой цифре нужно присоединить еще 4 150 000 амбулаторных больных и 185 000 больных, лежавших в клиниках. Такую массу больных обслуживали: 560 китайских и почти 300 американских и европейских врачей, 1 340 китайских и 250 европейских сестер милосердия, кроме того, в специальных школах обучалось почти 3 800 учениц-китайок. Если теперь принять во внимание работу 335 проповедников, наставлявших больных во время лечения, то китайский народ должен лишь благодарить протестантов за их заботы и благодеяния.

Но есть другая сторона дела, о которой нельзя забывать. Очевидцы обращают наше внимание на странную антипатию народных масс Китая к обширной деятельности американских и европейских благодетелей, а в объяснение этого указывают на слишком тесную зависимость протестантских организаций от политики капиталистических стран в Китае. В свете этой политики особое значение приобретает и тот факт, что подготовка медицинских работников в Китае находится почти полностью в руках протестантских организаций, основавших в стране значительное число медицинских колледжей. Много в Китае и протестантских университетов, очень хорошо оборудованных и руководимых в большинстве случаев протестантскими учеными-миссионерами. Например, в Нанкинском университете работает выдающийся специалист по сельскому хозяйству Китая проф. Дж. Бак, тоже миссионер. И так почти всюду: руководящие посты в области подготовки кадров заняты или американскими культуртрегерами или же китайцами, получившими образование в протестантских университетах Китая и Америки.

Попутно следует заметить, что большая часть современной китайской интеллигенции, занимающей ведущие посты в Гоминдановском Китае, как и большинство промышленной и финансовой буржуазии,

прошли через американскую выучку в протестантских школах. Такие известные лица, как сестры Сун, получили американское образование, являются пламенными протестантками и имеют в Америке колоссальные связи через те же протестантские круги. Мадам Чан-Кай Ши не раз выступала на миссионерских съездах. Банковские деятели Китая, т. е. мозг Гоминдана, состоят также из протестантов американского толка. Пополнение кадров осуществляется путем отбора наиболее способных студентов, завершающих свое образование обычно в Америке. Своим выученикам из китайцев американские организации обычно предоставляют лучшие места, и таким образом Америка создает в Китае кадры своих сторонников, которые имеют влияние и в политике, и в прессе, и в науке, и в промышленности. С известной точки зрения это, конечно, хорошо, но только для Америки. И совсем нехорошо для христианства и для китайского народа.

Такова работа протестантских станций, школ, университетов, насаждаемых и фактически руководимых американцами. Есть и еще одна мощная сеть воспитательных учреждений в Китае, известная под названием Христианских Союзов Молодых Людей (У. М. С. А.). В этих союзах, широко распространенных в Англии, Америке и почти во всех странах мира, религия занимает, пожалуй, самое последнее место. Зато весьма пространном введении к ней служит самый разнообразный и мало созвучный ей сервис: спорт для молодежи, библиотеки, лекции, диспуты, курсы вождения автомобиля, курсы по литературе и философии и т. д. Эти мероприятия осуществляются для молодежи во всех городах Китая, имеющих отделения этого Союза. Таким образом, почти вся интеллигентская молодежь Китая американизируется в этих Союзах.

Но как ни велика сила протестантского воздействия в Китае, все же она касается, главным образом, поверхностного слоя китайского народа — буржуазной интеллигенции. Что касается народных глубин, то туда влияние американцев проникает с большим трудом. О весьма относительных результатах этого влияния свидетельствуют в настоящее время успехи Народно-Освободительной Армии Китая, занявшей половину страны и привлечшей на свою сторону, в сущности, все народные массы. Однако до сих пор американцы не жалели усилий, чтобы расположить к себе и народные массы. С этой целью они во время засух и наводнений организовывали, с помощью тех же протестантских миссий, Комитеты помощи голодающим в Китае и через них привлекали массы голодающего населения к таким работам, как постройка шоссейных дорог, ирригационных сооружений и т. д. Это было, конечно, выгодно и самим американцам, но, стремясь завоевать симпатии народа, они вряд ли достигали цели. К тому же было направлено и так называемое кооперативное движение, начатое в стране также протестантскими миссионерами. Они начали дело с учреждения Сельских Союзов, которые стали показывать «образцовые деревни». Центром этих Союзов была кредитная организация: быть в Союзе — значит иметь кредит в кооперативном сельском банке, членами которого могут быть лишь люди с хорошей репутацией, устанавливаемой обычно протестантскими священниками.

Из всего, что в течение многих лет наблюдали в Китае русские православные люди, наибольшее впечатление произвела на них деятельность католиков и протестантов. Но как показывает вышеизложенное, это впечатление насыщено тревогой и смущением по поводу того, что современные христиане являются последователями Христа только по имени, на деле же они служат кому-то другому, ибо явно утверждают свои идеалы в царстве мира сего...

Гавриил Лапин

ПЛАМЯ ВДОХНОВЕННОЙ ЛЮБВИ К РОДИНЕ

От прошлого, от седой старины дошло до наших дней замечательное творение игумена Даниила, описавшего свое путешествие по Святым местам.

В этом славном памятнике российской письменности XII века ярко отразился духовный облик скромного служителя Русской Православной Церкви. Его мысли и поступки овеяны глубоким, благородным чувством патриотизма и гордости за родную Русскую землю.

Находясь вдалеке от Родины, он мечтает только об одном: «Княже мой, Господине», — обращается он к Иерусалимскому королю Болдуину, — молю ти ся Бога деля, и Князей деля Русских хотел бых и аз поставити кандило свое на Гробе Святем Господнем от всея Русския земли, а за вся Князи наши, и за вся христиане Русския земли».

Игумен Даниил выполнил свое заветное желание. Он вознес Господу Богу перед Святым гробом пламенную молитву от лица христиан русской земли. Это было время, когда Православие победно утверждалось на Руси. Над нашей Родиной, над ее необозримыми просторами, над полями и лесами ширился чудесный благовест, как бы созвучный тем чувствам любви, благочестия и национального самосознания, которые были в сердцах представителей русского народа.

Достойным выразителем этих возвышенных чувств явился игумен Даниил. «Ходил есми тамо во Княженъе Русское Великого Князя Святотоплка Изяславича, внука Ярослава Владимировича Киевского. Бог тому послух и Святый гроб Господень, яко во всех сих местах святых не забыл... ни детей моих духовных, ни всех христиан, ни коли же не забыл есмь, но везде поминал еси. И о сем благого Бога похваляю...»

О чем говорит нам это сказание игумена Даниила?

Прежде всего о том, что еще в те далекие времена, несмотря на феодальную раздробленность древней Руси и постоянные междоусобицы, русские люди, и среди них представители Церкви обладали развитым чувством национального достоинства и преданности Матери-Родине.

Можно сослаться и на другой литературный документ, более позднего происхождения, но одинаково поучительный. Инок Симеон, суздальский иерей, был участником поездки в Италию, на Флорентийский собор. За период своего путешествия он видел передовые по тому времени чужие страны, которые поразили его воображение, но национальная честь и достоинство Симеона остались непоколебимыми. Убеденный патриот своей Родины Симеон еще в Юрьеве заметил недостойное поведение митрополита Исидора, приложившегося сначала к католическому кресту, а затем к православному.

Участвуя на Флорентийском соборе, Симеон был глубоко возмущен поведением греческих представителей и нашего митрополита Исидора, согласившихся с папой на соединение Церквей. Симеон понял, что Иси-

дор был послушным орудием в руках греческого императора и патриарха Иосифа, решивших принять унию. Как верный сын своей Родины и Русской Церкви, Симеон бежал из Италии вместе с русским послом Фомой.

Описав свое пребывание на этом соборе, Симеон гневно обвиняет греков в сребролюбии, в измене Православии и в то же время славит великого князя Василия Васильевича за его выступление против Исихора.

В наши дни, когда Русская Церковь, живущая интересами народа и Родины, демонстрирует миру величие своего пути, непоколебимую верность Отечеству и идеалам Христианства, мы не можем не вспомнить без уважения о том, как крепили и развивались в далеком прошлом эти возвышенные чувства национальной гордости.

Очень многие факты напоминают об этой одной из лучших традиций Русской Православной Церкви. Глубоко знаменательно, что в самом крещении Руси были заложены благородные идеи национального достоинства нашего народа. Великий князь Владимир, понявший сущность Христианства, предстал перед греками не в позе коленопреклоненного человека, заискивающего перед сильной Византией и добивающегося крещения Руси, а как славный воин и мужественный представитель великого народа.

Задумав крестить киевлян, Владимир предпринял военный поход на Корсунь. Он решил взять этот греческий город и на правах победителя укрепить свои связи с Православной Византией, ради блага своей родной земли.

Находясь перед осажденной Корсунью, Владимир, по словам летописца, вознес молитву Господу Богу: «Господи Боже, Владыко всех! Сего у Тебе прошу, даси ми град, да приму и да приведу люди хрестьяны и попы на свою землю, да научат люди (мои) закону хрестьянскому». Какой преданностью к вере и любовью к своему народу дышит эта молитва! Неудивительно, что и греки с удивлением отнеслись к завоевателю Корсуни.

Великие традиции создаются не вдруг. Они слагаются из многих факторов и явлений, постепенно приобретают реальное значение. Так было и с ролью нашей Церкви в сохранении и развитии национального самосознания русских людей.

Общеизвестно, что для латинского Запада, в лице римских пап, не было приятным событием утверждение Православной веры в России. Узнав о намерении Владимира крестить Русь, папа Римский захотел повлиять на Владимира и отговорить от союза с греками. Никоновская летопись утверждает, что когда Владимир находился в Корсуни к нему «придоша послы из Рима от папы и мощи святых принесоша». Папские посланники приезжали к Владимиру и в 991 и в 1000 году. Вместе с ними явились посланцы польского, чешского и венгерского королей, но и им не удалось склонить Владимира к союзу с католическим Западом.

В конце XI века папа Климент III предлагал воссоединение Русской Церкви с Римской. Аналогичные попытки предпринимались и другими папами. Гонорий III, обращаясь к русским князьям, призывал их отказаться «от всех заблуждений», в которые впали русские и настаивал, чтобы князья дали согласие на приезд в Россию легата Римского, грозил гневом своим на непокорность русских. Папе Григорию IX удалось даже заслать в Киев своих миссионеров, но они быстро убрались отсюда.

Русские князья, вооруженные Православной верой, как истинным духовным сокровищем народа, не хотели изменять Православию. И не случайно, что великий князь Василий Васильевич резко выступил против митрополита Исидора, пытавшегося олатынить Русскую Церковь,

и выдать Православие папе Римскому. Этот шаг великого князя еще больше укрепил национальное достоинство нашей Церкви, делая ее «непоколебимой от мысленных волк, губящих веру истинного в Русстей земли просиявшего благочестия».

Более двух веков во главе нашей Церкви стояли греческие митрополиты. Казалось бы, что греческое влияние должно было быть очень сильным во всей жизни страны. Безусловно, что и Византия, как государство, лелеяла надежды на расширение своего влияния в России, через Церковь. Но принимая христианство из рук греков, русские остались русскими, горячо преданными своей Родине.

Ни удельная раздробленность России, ни длительный период междоусобиц, ни тяжелое бремя монгольского нашествия и другие суровые испытания не могли поколебать чувство национального достоинства. У нас быстро выросли многие тысячи своих священнослужителей, скромных, трудолюбивых пастырей и монахов, которые, относясь с любовью и уважением к греческим митрополитам и к Матери-Церкви, направили свои усилия на развитие религиозного и национального самосознания русских людей.

Русское никогда не растворялось в греческом. Наоборот, в те далекие времена делались настоячивые попытки освободиться от греческой зависимости и в делах церковных путем назначения своих, русских митрополитов (Иларион, Климент). Пришло, наконец, время, когда отпала нужда в иноземных руководителях нашей Церкви. Воздав им должное за их полезную деятельность для Церкви и для Руси, Православие выдвинуло своих духовных вождей. А осуществленная в 1448 году автокефалия Русской Православной Церкви окончательно закрепляла полную самостоятельность и независимость нашей Церкви.

Установление автокефалии еще выше поднимало святое и драгоценное знамя национального достоинства и преданности своей Родине, открывая новые, широкие перспективы перед Церковью в ее стремлении к процветанию и единству Русской земли.

Пламя вдохновенной любви к нашей Родине неугасимо горит в делах Русской Православной Церкви. Разве не знаменательно, что именно в России, как ни в какой другой стране, широкое распространение получило подвижничество, одухотворенное не только желанием целиком посвятить себя молитве, служению Богу, но и скрепленное святым чувством преданности Родине.

Таким подвижником был святой Сергей Радонежский, внесший неоценимый вклад в развитие национального самосознания народа в самые тяжелые времена монгольского ига. Благодаря ему Радонежская пустынь превратилась в место паломничества русских людей, которые искали утешения и ободрения. в своей горе за разбитую и поруганную Русь. Они уносили с собой обретенную веру в свои силы, в грядущее освобождение. Радонежская пустынь активно участвовала в подготовке национального возрождения России. Благословение Преподобного Сергея вдохновляло наших воинов на решительную битву с татарами, сопутствовало победе русских войск. Стефан Пермский, Кирилл Белозерский, Митрофан Воронежский, Иннокентий Иркутский и многие, многие другие своими святыми делами и подвижничеством укрепляли национальное достоинство и честь нашего народа.

Чтобы ни случалось, какие бы испытания ни выпадали на их долю, подвижники веры оставались стойкими чадами своей любимой Матери-Родины. История сохранила бесчисленное количество фактов об удивительной силе их духа.

Из Печерского Патерика мы знаем о Никоне «многоотерпеливом и сухом». При одном из нападений половцев на Киево-Печерский монастырь, он был взят в плен. Никон не пожелал, чтобы его выкупили род-

ственники и стойко терпел страшные мучения, которым его подвергали половцы. После трехлетних страданий Никон был человеком, иссохшим от ран, но он еще долго жил в Печерском монастыре.

В далеком прошлом России не редким явлением было, что люди Церкви шли на гибель, но не предавали Родины, не изменяли своим национальным интересам. В 1299 году при очередном нападении литовцев на Спасо-Мирожский монастырь Псковской области был убит преподобный Авраамий и игумен этого монастыря Василий. Литовцы, сделавшие набег на Вологду, убили отшельника Галактиона. Православный народ ответил на это злобное и сатанинское дело постройкой церкви на месте убийства Галактиона, сохранившей прах этого патриота и подвижника. Впоследствии здесь образовался монастырь — «Галактионова пустынь».

Имена русских подвижников веры достойно украшают светлый венец нашей Церкви. Благодарная им Церковь ежегодно славит всех святых, в земли Российской просиявших. Эта глубоко патриотическая служба, совершаемая в первое воскресенье после недели Всех Святых, раскрывает перед нами страницы из истории Русской Православной Церкви, всегда стремившейся возвысить и укрепить достоинство верующих людей.

Память великого множества святых, просиявших на Руси, чтит наша Церковь.

Взаимоотношения России с Западом имеют свою историю. Наша страна прошла суровую школу защиты национальных интересов народа, его независимости. Терпеливый, мужественный и трудолюбивый русский народ часто был свидетелем таких действий со стороны «просвещенного» Запада, которые заставляли его быть особо бдительным и еще больше разжигали чувство национального достоинства.

Общезвестно, что страны латинского Запада издавна вели агрессивную политику в отношении России. Ее просторы и необыкновенные природные богатства не давали покоя многим чужеземцам. Вторжения в пределы нашей страны немецких псов-рыцарей, шведов, поляков, французов, гитлеровских орд, и др. — наглядный пример этому. Ватикан всегда сочувственно относился к планам захвата русских земель. Ватикан в прошлом предпринимал и более реальные шаги по разложению Московского государства. Об этом убедительно говорит история самозванщины.

Период смуты был тяжелым кризисом в жизни нашей страны. Он резко обнажил корни посягательства католического Запада на национальную целостность и независимость России. За самозванцами и первым и вторым стояли не только польский король Сигизмунд, но и папа римский. В ход были пущены все средства, чтобы католики могли захватить власть в Москве. Опасность усугублялась тем, что нашлись ревностные поклонники у поляков и в среде русских. Они были даже в составе «великого посольства», направленного для переговоров с Сигизмундом III. Польский король щедро одарил их грамотами на поместья и вотчины, взамен обещаний действовать в пользу признания царем России Сигизмунда III.

Однако не эти низкопоклонники перед Западом и открытые перебежчики в лагерь врага выражали русский национальный характер. Он пламенел в делах и поступках Патриарха Гермогена, архимандрита Дионисия Зобниковского, протонерея Авраамия Палицына, Саввы Ефимьева, в великих подвигах Минина и Пожарского. Русская Православная Церковь неотступно была вместе с народом, защищала его национальные интересы — шла ли речь об открытом посягательстве на национальную независимость Родины, или о пропаганде идей католицизма. Характерен следующий случай. В 1644 году в Мо-

скую, вместе с датским королевичем Вольдемаром, приезжал пастор Фельгабер. Этот лютеранский проповедник затеял в Москве дискуссию, с целью доказать преимущество своей веры. Достойный ответ Фельгаберу дал ключарь Успенского собора, престарелый Иван Наседка, заявивший: «Нас, овец Христовых, не премудряйте софистеками своими, нам ныне неколи философства вашего слушать».

Как реагировали русские люди на недостойное нововведение представителей латинского Запада при разбойничьих налетах на нашу землю также хорошо известно. Нередко случалось, что иностранные захватчики до основания разрушали храмы и монастыри, но они снова возникали на том же месте, как свидетельство национальной гордости русских, их непоколебимой приверженности Православной вере и Родине.

Поляки сожгли и разорили Московский Новодевичий монастырь, основанный в 1528 году, в память присоединения Смоленска к Московскому государству. Однако вскоре он снова восстал из пепла.

Но не только в делах церковных мы видим проявление нестигаемой вдохновенной любви к Родине. Православие укрепляло и усиливало это святое чувство во всей жизни страны и в делах ее лучших, одаренных руководителей.

Петр I, стремясь преодолеть вековую отсталость России, завел обширные взаимоотношения с западными странами. Он считал, что пора пересадить на русскую почву все полезное и ценное из Западной Европы. Учась у заграницы, посылая русских людей в другие страны и приглашая иностранцев к себе, Петр, однако, относился к загранице без увлечения и без малейших признаков раболепия перед достижениями Европы.

Сохранилось предание о том, что в одной из бесед со своими приближенными царь сказал: «Европа нужна нам еще несколько десятков лет, а потом мы можем повернуться к ней задом». Те из современников Петра, кто осуждал его за привязанность к иностранному, не понимали величия прогрессивных устремлений одного из самых замечательных преобразователей России. Выступая в 1714 году на торжестве, посвященном спуску военного корабля в Петербургской гавани, Петр говорил: «Кому из вас, братцы мои, хоть бы и во сне снилось лет 30 назад, что мы с вами здесь, у Остзейского моря, будем плотничать, и в одежде немцев, в завоеванной у них же нашими трудами и мужеством стране построим город, в котором вы живете».

Высказывая далее глубокие мысли о значении науки в жизни России, Петр продолжал: «Советую вам помнить латинскую поговорку: *ога et лабога* (молись и трудись) и твердо надеяться, что может быть еще в нашем веку вы пристыдите другие образованные страны и вознесете на высшую ступень славу русского имени».

Лучшие представители Православной Церкви хорошо понимали значение прогрессивной деятельности Петра и благословляли его на это богоугодное дело. Среди них был Феофан Прокопович. Зная хорошо просвещенный Запад, Феофан не стал его поклонником. В своих проповедях он объяснял перед народом реформы Петра, высказывал сочувствие к ним. Феофан был последовательным защитником царских мероприятий. Так, доказывая необходимость флота для России, к чему стремился Петр, неутомимый проповедник Феофан говорил: «Понеже не к единому морю прилежит пределами своими сия монархия, то как не бесчестно ей не имети флота. Не сыщем ни единой в свете деревни, которая над рекой или озером положена, не имела бы лодок».

Хочется назвать также дорогое для православного человека имя Митрофана Воронежского, выдающегося поборника деятельности Петра. Когда Петр I начал создавать в Воронеже флот и готовиться к

Азовскому походу, Митрофан, как епископ Воронежский, принял активное участие в задуманном мероприятии. Он внес на это дело все свои деньги, в сумме 6 тыс. рублей. Денежные пожертвования Митрофан внес не только в 1695 году, но в последующие годы. Отмечая его заслуги перед Родиной, Петр повелел именоваться ему епископом Азовским. Царь глубоко скорбел, узнав о смерти Митрофана. Он лично участвовал в выносе его тела. «Не осталось у меня такого святого старца» — эти слова Петра хорошо выражают его любовь к святителю и патриоту.

Многие замечательные русские люди прошлого проявили себя непоколебимыми патриотами, врагами низкопоклонства перед Западом. Волнующим и незабываемым является образ великого русского ученого Ломоносова. Автор сочинения «О пользе церковных книг» и ярких духовных од, Ломоносов горячо защищал русские национальные интересы. Получив, после длительного пребывания за границей, место в Академии наук, Ломоносов не относился безразлично к засилью иностранцев в Академии. Он открыто враждовал и с начальником академической канцелярии Шумахером и с отдельными академиками-иностранцами. Так, например, по адресу историка Шлецера Ломоносов однажды сказал: «Из сего заключить должно, каких гнусных пакостей не наколобродит в российских древностях такая допущенная в них скотина».

В своей «Российской истории» Ломоносов убедительно доказывал, в противовес утверждениям академика Миллера, что наши первые князья были не скандинавского, а славянского происхождения. А какой гордостью проникнуты высказывания Ломоносова о величии русского языка, в котором можно найти: «великолепие испанского, живость французского, крепость немецкого, нежность итальянского, сверх того, богатство и сильную в изображениях краткость греческого и латинского языка».

Ему же принадлежат вдохновенные, пророческие слова о творческой силе русского народа:

Дерзайте ныне ободренны,
Раченьем вашим доказать,
Что может собственных Платонов
И быстрых разумом Невтонов¹
Российская земля рождать.

Высокое, светлое чувство национального достоинства, выразителем которого всегда были лучшие представители русского народа, оставалось неугасимым в самые трудные периоды, когда увлечение Западом принимало широкие и уродливые размеры.

Атмосфера низкопоклонства перед Европой, культивируемая при Екатерине II, не помешала Денису Ивановичу Фонвизину, замечательному писателю своего времени, занять отрицательную позицию к этому модному течению. Получив серьезное религиозное воспитание, Денис Иванович в своем творчестве высмеял увлечение Западом. Его Иванушка, ездивший во Францию и преклоняющийся перед всем французским, наделен чертами необыкновенного глупца. Он показал невежественных щеголей и щеголих, которые на все русское смотрят презрительно и высокомерно. Глубоко наблюдательный человек, Фонвизин, при поездках за границу, подмечал многие недостатки, свойственные иностранцам, и описал их в письмах из-за границы. О Франции он замечает, что падение нравов дошло здесь до того, что над всем царит мода, обман не считается дурным делом, а деньги стали первым божеством. В Германии он критикует педантизм немцев, а об их ученых говорит, что они

¹ Т. е. Ньютонов (Newton).

сильны в логике отвлеченной, но крайне нуждаются в логике натуральной.

Трудно перечислить всех тех славных сынов русского народа, которые в любые времена гордо несли вперед знамя патриотизма, активно содействовали развитию национального самосознания, выражали честь и достоинство русского народа.

В обстановке политического бесправия и гнета дореволюционного прошлого всегда находились люди с орлиными крыльями, которые смотрели вперед и видели прекрасное будущее нашей Родины. Один из них молодой, талантливый критик Белинский пророчески писал в 1840 году: «Завидуем внукам и правнукам нашим, которым суждено видеть Россию в 1940 году, стоящую во главе образованного мира, дающую законы в науке и искусстве и принимающую благоговейную дань уважения от всего просвещенного человечества».

Очень много вреда нашей стране принесло культивируемое в дореволюционном прошлом низкопоклонство перед Западом. У нас не мало было бесталанных правителей, использовавших свою власть во вред национальным интересам народа. Именно так поступали последние представители династии Романовых, широко открывшие двери иностранному влиянию. До 1917 года в нашем хозяйстве, в промышленности, на транспорте и в других областях хозяйничали, как у себя дома, немцы, французы, бельгийцы и прочие представители капиталистического Запада.

Насаждался дух превосходства иностранцев над русскими. Разве не позорно, что многие великие проявления русской научно-технической мысли, далеко опережавшие заграничных ученых, не находили поддержки и часто гибли, чтобы через ряд лет расцвести на иностранной почве (электричество, радио, паровые машины и многое другое).

Мы можем горячо благодарить Господа Бога, Его великую, неизсякаемую мудрость за то, что это нездоровое, гнилое прошлое России кануло в вечность и снова сияют идеи национальной гордости. Рецидивы низкопоклонства перед Западом, не только не находят у нас почвы, но и встречают всеобщее осуждение и гнев.

В самом деле, что кроме вреда может принести низкопоклонство перед теми странами, которые погрязли в сребролюбии, где печаль стяжательства и эксплуатации человека человеком лежит на всех достижениях культуры, где власть денежного мешка стала решающей силой, где даже Церковь превратилась в служанку эгоистических интересов правящего класса.

Нет! Не совместимо с достоинством советского гражданина, с его патриотическими чувствами, преклонение перед загнивающим миром.

Благородные черты русского характера, как никогда раньше, расцвели в советское время, снявшее все преграды на пути национального самосознания народа. На этом же пути верности своему народу, его кровным национальным интересам, стоит и наша Православная Церковь, ибо «Велика есть истина и преумножает» (2 Ездры 4, 41).

В новой, послереволюционной обстановке первый, кто начертал правильный путь для Православной Церкви был Святейший Тихон — Патриарх Московский и всея Руси, мудрый руководитель и патриот. Это ему принадлежат пламенные слова: «Мы призываем всех возлюбленных чад богохранимой Церкви Российской в сие ответственное время строительства общего благосостояния народа слиться с нами в горячей молитве ко Всевышнему о ниспослании помощи рабоче-крестьянской власти в ее трудах для общенародного блага».

Священнослужители не понявшие новой обстановки, развращенные правящим классом старой дворянской и буржуазной России, связанные с ним тесными нитями и занявшие враждебную позицию к Советской

власти, оказались людьми без Родины и без национальной чести. Патриарх Тихон резко осуждал их, показывая пример истинного служения великому делу национального и политического возрождения России.

Подлинно драгоценной для нашей Церкви явилась деятельность Святейшего Сергия. С присущей ему глубиной мысли и одухотворенностью он умело повел церковный корабль вперед по пути служения народу и Родине.

Большой убежденностью проникнуты его высказывания о том, чтобы «верующие, оставаясь православными, помнили свой долг — быть гражданами Союза не только за страх, но и за совесть»....

Благодаря руководству глубокомудренного Патриарха, Православная Церковь до конца выполнила свой патриотический долг во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Решалась судьба нашей Родины, в пределы которой вторгся озверелый враг. Весь советский народ, под гениальным водительством Великого Сталина, поднялся на защиту своей свободы и независимости.

И снова раздался пламенный призыв верного кормчего Православной Церкви Святейшего Сергия. «Наши предки не падали духом и при худшем положении, потому что помнили не о личных опасностях и выгодах, а о священном своем долге перед Родиной и верой, и выходили победителями. Не посрамят же их славного имени и мы, православные, родные им по плоти и по вере».

Во всех делах Церкви, в ее молитвах за победу советского оружия, в сборе пожертвований на нужды Советской Армии, в ободряющих проповедях мы видим проявление традиционной верности национальным интересам Отечества, неугасимое пламя вдохновенной гордости за нашу любимую Родину. Иного пути и не может быть у Русской Православной Церкви.

В жизни народов всегда бывает так, что преданность Родине, ее национальным интересам, проверяется в годы суровых испытаний, в обстановке крупнейших общественно-политических событий.

И вот сейчас, когда снова подняли голову поджигатели войны, когда ведется разнузданная, открытая подготовка к новым братоубийственным войнам и мир разделился на два лагеря, Русская Православная Церковь ясно и четко определила свою позицию: «...Церковь благословляет и благословит защиту Отечества, ибо она смотрит на эту защиту, как на святой долг, как на высшее выражение любви к Родине, как на подвиг, на высоту которого указывает слово Божие, ибо «нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Иоанн. XV, 13).

Так заявил на весь мир Патриарх Алексий, замечательная деятельность которого проникнута теми же возвышенными и благородными идеями преданности Родине и русскому народу. Счастлива наша Церковь, что имела в лице Патриархов Тихона, Сергия и имеет в лице ныне здравствующего Патриарха Алексия — духовных вождей, которые с достоинством несут вперед славное знамя вдохновенной любви к Отечеству.

М. Павлов

ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННЫЙ ИННОКЕНТИЙ, МИТРОПОЛИТ МОСКОВСКИЙ

(К 70-летию со дня кончины)

В настоящем 1949 г. исполнилось 70 лет со дня кончины Высокопреосвященного Иннокентия (Вениаминова), Митрополита Московского и Коломенского, занявшего эту кафедру после приснопамятного Митрополита Филарета (Дроздова). Но не в сане Московского иерарха, не по административной или ученой деятельности, как его предшественники и преемники, известен был Митрополит Иннокентий, а как ревностный миссионер, просветитель многих народов на дальней окраине нашей страны — на Аляске, на Камчатке, в Якутии и на Амуре, — где он провел целых 45 лет. Благодаря его неустанной деятельности многие из этих народов были не только оглашены проповедью евангельского учения, но впервые получили письменность на своем родном языке и таким образом приобщились к начаткам культуры. И Господь благословил успехом труды Своего верного раба, несмотря на скудость средств и помощников, несмотря на суровые условия, в которых ему приходилось работать.

* * *

Митрополит Иннокентий родился 26 августа (старого стиля) 1797 г. в селе Ангинском Иркутской губ. в семье пономаря местного храма Евсевия Попова и был назван Иоанном. Когда мальчику было шесть лет, умер его отец, и мать с четырьмя детьми осталась в бедственном положении. Чтобы несколько помочь осиротевшей семье, брат умершего — диакон того же храма — взял Иоанна к себе на воспитание.

Мальчик был способный и прилежный в учении. Еще четырех лет он стал учиться грамоте у своего больного отца. У дяди же он сделал такие успехи, что семи лет читал в храме Апостола в день Рождества Христова. Кроме грамоты дядя обучил его часовому делу и другим механическим занятиям, и мальчик пристрастился к ним на всю жизнь.

В 1806 году девятилетним мальчиком Иоанн Попов был определен в Иркутскую Духовную Семинарию, в которой пробыл свыше 11 лет. Начальство ценило способного и благонравного семинариста и даже назначило его помощником эконома при семинарии. При перемене неблагозвучных или одинаковых фамилий, что часто практиковалось в то время в семинариях, Иоанн Попов получил фамилию Вениаминова в честь скончавшегося в то время епископа Иркутского Вениамина, известного своей просвещенностью и величественной наружностью.

В 1817 г., за год до окончания семинарии, Иоанн Вениаминов вступил в брак и был посвящен в диаконы Иркутской Благовещенской церкви. В сане диакона Иоанну Вениаминову пришлось прослужить

Митрополит Московский Иннокентий

четыре года, и только в 1821 году он был рукоположен во священника на открывшуюся вакансию в той же Благовещенской церкви.

Как священник, о. Иоанн Вениаминов прослужил в этой церкви всего два года, но успел снискать любовь прихожан истовым совершением богослужения и, в особенности, тем, что по воскресеньям перед Литургией собирал в храм детей и давал им уроки Закона Божия.

Но к иному рода деятельности предназначен был о. Иоанн Промыслом Божиим. В начале 1823 г. Иркутский епископ Михаил получил предписание от Святейшего Синода выделить священника для отправки на Алеутские острова, входившие в состав тогдашних русских владений. Однако никто из духовенства не хотел ехать, боясь дальности расстояния и суровых условий жизни.

Епископ Михаил был в полном затруднении, не зная кого послать в Америку, как вдруг является к нему о. Иоанн Вениаминов с выражением желания ехать.

С грустью отпустил епископ Михаил такого примерного священника, и 7 мая 1823 г. о. Иоанн Вениаминов выехал из Иркутска, вместе с женой, сыном, матерью и братом. Путь его был чрезвычайно труден. Заехав по дороге на родину, в село Ангинское, он спустился оттуда по реке Лене до Якутска, а далее до Охотска более 1000 верст ехал верхом на лошадях по непроходимой дороге. Последний переезд от Охотска до острова Уналашки о. Иоанн совершил на судне Российско-американской компании.

* *
*

Остров Уналашка, где должен был поселиться о. Иоанн Вениаминов, принадлежит к группе Алеутских островов, которые, вместе с прилегающей территорией Аляски, были открыты русскими в половине XVIII столетия и вскоре объявлены владениями России. Заселение их русскими промышленниками, привлекаемыми богатым пушным промыслом, началось с конца XVIII века. Одновременно началась и проповедь христианства среди туземцев. В конце XVIII века здесь подвизалась миссия под начальством архимандрита Иоасафа, которой удалось крестить жителей на Кадьяке и других островах.

Несмотря на кратковременность проповеди, христианство в этих краях имело большой успех. Особенно усердно принималось оно алеутами, которые по своему мягкому, кроткому характеру охотно принимали христианскую веру, навсегда оставляя язычество. Ко времени прибытия о. Иоанна в русских владениях в Северной Америке имелось, кроме него, еще 3 священника-миссионера, живших на разных островах.

Приехав на Уналашку, о. Иоанн Вениаминов нашел здесь крайнюю скудость решительно во всех сторонах жизни и миссионерского дела. На острове не было даже храма, и богослужение совершалось в часовне. Поэтому первой заботой о. Иоанна было построение храма, что, однако, оказалось делом нелегким, так как из алеутов никто работать не умел, и о. Иоанну пришлось предварительно обучать их плотничному, столярному и другим ремеслам. В построенном, наконец, храме многое, как, например, престол и иконостас, было сделано руками самого о. Иоанна. Одновременно он усердно изучал алеутский язык, овладение которым представляло значительные трудности, вследствие своеобразия звуков и полной его неизученности.

Но, построив храм и усвоив язык, о. Иоанн мог уже успешно вести свою миссионерскую деятельность. Его постоянные проповеди и беседы отличались простотой и доступностью и были согреты таким непосредственным христианским чувством, что производили большое впечатление и устанавливали настоящие сыновние отношения паствы к своему пастырю.

Помимо Уналашки, о. Иоанн Вениаминов постоянно посещал и другие острова для наставления своей паствы и для проповеди Слова Божия некрещеным. Невозможно себе представить те трудности и опасности, которые ему приходилось переносить в подобных путешествиях, совершавшихся на утлой туземной лодке в холод и непогоду. Но зато во время посещений и бесед с алеутами, когда, по словам о. Иоанна, «скорее утомится самый неугомимый проповедник, чем ослабнет их внимание и усердие к услышанию слова», сам о. Иоанн «дейтельно узнал утешения христианской веры, эти сладостные и невыразимые прикосновения благодати». О чудесном же случае во время одного из таких посещений расскажем также словами о. Иоанна.

«Проживши на острове Уналашке почти 4 года, я в Великий пост отправился в первый раз на остров Акун к алеутам, чтобы приготовить их к говению. Подъезжая к острову, я увидел, что они все стояли на берегу наряженными, как бы в торжественный праздник, и когда я вышел на берег, то они все радостно бросились ко мне и были чрезвычайно со мною ласковы и предупредительны. Я спросил их: почему они такие наряженные? — Они отвечали: «Потому, что мы знали, что ты выехал и сегодня должен быть у нас; то мы на радостях и вышли на берег, чтобы встретить тебя». — «Кто же вам сказал, что я буду — у вас сегодня, и почему вы меня узнали, что я именно о. Иоанн?» — «Наш шаман, старик Иван Смиренников, сказал нам: ждите, к вам сегодня придет священник; он уже выехал и будет учить вас молиться Богу; и описал нам твою наружность так, как теперь видим тебя». — «Могу ли я этого вашего старика-шамана видеть?» — «Отчего же, можешь; но теперь его здесь нет, и когда он придет, то мы скажем ему; да он и сам без нас придет к тебе».

Это обстоятельство, хотя чрезвычайно меня и удивило, но я все это оставил без внимания и стал готовить их к говению, предварительно объяснив им значение поста и проч., как явился ко мне этот старик-шаман и изъявил желание говеть, и ходил очень аккуратно, и я все таки не обращал на него особенного внимания и во время исповеди упустил даже спросить его, почему алеуты называют его шаманом. Приобщивши его Св. Таин, я отпустил его... И что же? к моему удивлению, он после причастия отправился к своему тоёну (старшине) и высказал ему свое неудовольствие на меня, а именно за то, что я не спросил его на исповеди, почему его алеуты называют шаманом, так как ему крайне неприятно носить такое название от своих собратий, и что он вовсе не шаман.

Тоён, конечно, передал мне неудовольствие старика Смиренникова, и я тотчас же послал за ним для объяснения; и когда посланные отправились, то Смиренников попался им навстречу со словами: «я знаю, что меня зовет священник о. Иоанн, и я иду к нему». Я стал подробно расспрашивать о его неудовольствии ко мне, о его жизни, — и на вопрос мой, грамотен ли он? — он ответил, что хотя он и неграмотен, но Евангелие и молитвы знает. Тогда я спросил его объяснения, почему он знает меня, что даже описал своим собратьям мою наружность, и откуда узнал, что я в известный день должен явиться к вам и что буду учить вас молиться. — Старик отвечал, что ему все это сказали двое его товарищей. — «Кто же эти двое твои товарищи?» спросил я его. — «Белые люди», ответил старик... — «Где же эти твои товарищи, белые люди, и что это за люди и какой они наружности?» — спросил я его. — «Они живут недалеко здесь в горах, и приходят ко мне каждый день», — и старик представил их мне так, как изображают святого архангела Гавриила, т. е. в белых одеждах и перепоясанных розовою лентою через плечо. — «Когда же явились к тебе эти белые люди в первый раз?» — «Они явились вскоре, как окрестил нас иеромонах Макарий». После сего разговора я спросил Смиренникова: а могу ли я их видеть? — «Я спрошу их», ответил старик и ушел от меня. Я же отправился на некоторое время на ближайшие острова для проповедания слова Божия, и по возвращении своем, увидав Смиренникова, спросил его: «Что же, ты спрашивал этих белых людей, могу ли я их видеть, и желают ли они принять меня?» — «Спрашивал, — отвечал старик, — они, хотя и изъявили желание видеть и принять тебя, но при этом сказали: зачем ему видеть нас, когда он сам учит вас тому, чему мы учим? — Так пойдем, я тебя приведу к ним».

Тогда что-то необъяснимое произошло во мне, какой-то страх напал

на меня и полное смирение. Что ежели в самом деле, подумал я, увижу их, этих ангелов, и они подтвердят сказанное стариком? и как я пойду к ним? ведь я же человек грешный, следовательно и недостойный говорить с ними, и это было бы с моей стороны гордостью и самонадеянностью, если бы я решился идти к ним; и, наконец, свиданием моим с ангелами я, может быть, превознесся бы своею верою или возмечтал бы много о себе.... И я, как недостойный, решился не ходить к ним, — сделав предварительно по этому случаю приличное наставление как старику Смиренникову, так и его собратьям-алеутам, и чтобы они более не называли Смиренникова шаманом».

О. Иоанн Вениаминов весьма утешался усердием алеутов к слушанию слова Божия и исполнению заповедей. Редкие из них, при его посещении, уклонялись по лени или нерадению от говения и очищения совести, и так как их пища всегда одинакова, то они, чтобы отметить пост, в дни говения совсем ничего не ели. Во время богослужения они стояли внимательно и настолько неподвижно, что можно было по следам их ног узнать, сколько народу было в храме. Многие были большими молитвенниками, что часто обнаруживалось лишь случайно или при их кончине. К священникам питали преданность и любовь, и готовы были услужить им, чем могли. С распространением христианства стало прекращаться многоженство и внебрачное сожитие, а также убийство рабов при погребении знатных лиц. Даже ссоры и драки стали происходить редко, а междоусобия, сильно распространенные до этого, совсем прекратились.

Кроме своей паствы на островах о. Иоанн Вениаминов посетил также селение Нушегак на материке Америки, где в первое его посещение крестилось 13 человек, а во второй приезд количество уверовавших возросло до 220.

Но труды о. Иоанна не ограничивались чисто миссионерским поприщем. Мы уже говорили об усвоении о. Иоанном алеутского языка. В дальнейшем он перевел на алеутский язык катехизис и Евангелие от Матфея. Появление этих переводов алеуты встретили с большой радостью и стали усердно учиться грамоте. О. Иоанн Вениаминов составил и грамматику алеутского языка с приложением алеутских песен и таким образом познакомил ученый мир с неизвестным до того времени языком.

Кроме языка о. Иоанн усердно изучал быт своей паствы и вел наблюдения над природными явлениями тех мест. Результатом этого явилось сочинение «Записки об островах Уналашкинского отдела». Хорошо изучив фауну островов, о. Иоанн Вениаминов мог давать ценные указания даже русским промышленникам. Таковы, например, его советы относительно охоты за морскими котиками, направленные к сохранению и умножению стада этих ценных животных.

Сам о. Иоанн Вениаминов жил сначала в простой землянке, а потом перешел в скромный деревянный домик, выстроенный собственными руками. Свободное время о. Иоанн посвящал деланию органчиков, а также беседам и играм с детьми (своими и чужими), которых очень любил. Среди прочих занятий с ними, он приучал их наблюдать природу и объяснял им ее различные явления. Наконец, о. Иоанн открыл в Уналашке школу для мальчиков, где не только преподавал, но и составил сам все учебники.

За все труды в пользу миссии о. Иоанн Вениаминов был награжден наперсным крестом и переведен в Новоархангельск на остров Ситху — административный центр русских владений в Северной Америке.

На острове Ситхе о. Иоанну Вениаминову пришлось столкнуться с колошами — народом северо-американского (индейского) происхож-

дения, отличавшегося храбростью и независимым характером. О поведении христианства среди колошей не могло быть и речи, так как ко всему исходившему от русских, колоши относились с подозрением. О. Иоанн Вениаминов, прибыв на Ситху, занялся сначала изучением языка и обычаев колошей. Вскоре особенный случай изменил отношение колошей к русским. На острове появилась натуральная оспа, от которой колоши, отказывавшиеся принимать оспопрививание от русских, гибли в больших количествах. Между тем, русские и алеуты, которым оспа была привита, оставались невредимыми. Это заставило и колошей просить о помощи русских, на которых они с тех пор перестали смотреть, как на своих врагов. Тем самым открылась возможность проповеди и христианства. И хотя обращение колошей шло медленно, однако они относились к проповедникам с уважением и не препятствовали желающим креститься.

За время пребывания на Ситхе о. Иоанном Вениаминовым была написана книжка «Замечания о колошском и кадьякском языках и отчасти о прочих наречиях в Российско-Американских владениях», которая, как и грамматика алеутского языка, удостоилась лестных отзывов специалистов и внесла много нового в науку.

* *

*

После пятнадцатилетнего пребывания в русских владениях Северной Америки о. Иоанн Вениаминов понял, что для дальнейшего успеха христианской проповеди среди туземцев необходимо расширить миссионерское дело и организовать постоянную миссию. Чтобы получить содействие Святейшего Синода, о. Иоанн решил лично отправиться в Петербург. Одновременно он хотел просить там разрешения печатать свои переводы на алеутский язык. 8 ноября 1838 г. о. Иоанн выехал в Петербург из Новоархангельска морем, предварительно отправив семью на родину в Иркутск.

Прибыв в Петербург, о. Иоанн Вениаминов своими рассказами живо заинтересовал членов Святейшего Синода и разных влиятельных лиц, которые оказали ему полное содействие. Святейший Синод постановил увеличить штат священно- и церковнослужителей в американских владениях России и дал разрешение печатать переводы о. Иоанна. Особенно благоприятным было знакомство о. Иоанна с Московским Митрополитом Филаретом, который очень полюбил его и оказывал ему помощь до самой своей кончины.

Между тем о. Иоанн получил известие о кончине в Иркутске своей жены. Митрополит Филарет стал тогда склонять его к принятию монашества, но о. Иоанн долго колебался, ссылаясь на обремененность большой семьей и невозможность в миссионерских разъездах выполнять все требования монашеского устава. Однако когда, по ходатайству Митрополита Филарета, дочери о. Иоанна были помещены в институт, а сыновья в Петербургскую Духовную Академию на казенное содержание, то о. Иоанн, видя в этом указание Божие, подал прошение о пострижении в монашество. Постриг был совершен 29 ноября 1840 г. с наречением имени Иннокентия в честь Святителя Иркутского. На другой день иеромонах Иннокентий был возведен в сан архимандрита. А так как в это же время состоялось восстановление самостоятельной Камчатской епархии, то наиболее достойным кандидатом для ее занятия был признан архимандрит Иннокентий. Его посвящение во епископа Камчатского, Курильского и Алеутского состоялось в Петербурге 15 декабря 1840 г. А 20 января следующего года новопоставленный епископ выехал из Петербурга в свою епархию, совершая на этот раз путь через Сибирь, и 27 сентября 1841 г. прибыл в Новоархангельск.

Вернувшись в Америку, епископ Иннокентий продолжал свою миссионерскую работу. Его епархия была чрезвычайно обширной и обнимала многочисленные народы, жившие на американском материке, Алеутских и Курильских островах, на Камчатке и на всем побережье Охотского моря. Конечно, всюду бывать лично епископ Иннокентий на такой территории не мог, и его непосредственная деятельность сосредоточилась в Новоархангельске. Однако значительную часть времени он все же проводил в разъездах, посещая свою епархию и проверяя работу миссионеров. Ввиду огромных расстояний такие поездки продолжались иногда около года и больше и были сопряжены с огромными трудностями.

Но все это с избытком окупалось той духовной пользой, которую приносили пастве посещения епископа. В своих отчетах он неизменно отмечает, как радовались туземцы его посещениям, которые были для них настоящим праздником. В местах, регулярно посещавшихся миссионерами, население особенно ревностно исполняло все их наставления. Случаев отпадения или возвращения к шаманству почти не бывало, если же они происходили, то скоро оканчивались раскаянием и исправлением.

Обращения туземцев также шли успешно и почти без всяких настояний миссионеров; напротив, искавшие крещения подвергались самому строгому испытанию. Особенно утешительными были обращения тех, кто сначала не хотел верить, но затем сам являлся и умолял о крещении.

Бывали случаи и чудесного исцеления после крещения. Так, одна старуха, которая была при смерти и для крещения была принесена на носилках, после крещения вернулась домой самостоятельно, только опираясь на палку. Точно так же один молодой мужчина, с детства страдавший припадками безумия, после крещения совершенно исцелился. Нечего говорить, что подобные случаи, свидетельствуя о божественной силе христианства, особенно способствовали обращению туземцев.

Помимо проповеди и наставлений в законе Божием, епископ Иннокентий предписывал миссионерам учить детей и всех желающих грамоте как на местном, так и на русском языке, что население делало очень охотно, и вскоре грамотность туземного населения стала даже выше, чем грамотность населения коренной России. Об этой просветительной деятельности Церкви в русских владениях в Америке вот что говорится в одной из новых книг, посвященных Аляске:

«Русская Церковь выполнила огромную задачу на Аляске, поскольку в ее руках находилось все дело народного образования. В миссионерских школах обучались грамоте тысячи обитателей Аляски, причем для туземцев начальное обучение было обязательным... О том, как любили на Аляске русскую книгу, дает представление такой случай.

Известный русский книгоноша И. К. Голубев однажды отправился через Камчатку в Сан-Франциско и на Аляску. Во время своего путешествия он распространил 18709 книг. Какая российская губерния могла в то время поглотить такое количество печатных изданий? В отчете Голубева говорится только о книгах. А сколько он распространил других изданий, хотя бы лубочных картин, календарей и т. д.!» (С. Марков. «Летопись Аляски», 2-е изд. М.—Л. 1948, стр. 177).

Благотворное влияние Церкви на туземцев и их тяготение к России отмечалось даже в американском парламенте уже после того, как наши американские владения отошли к Соединенным Штатам. Во время прений один из депутатов обвинял свое правительство, что «оно ничего еще не сделало для нравственного и морального блага этого края. Не так поступало, — сказал он, — русское правительство и русское ду-

ховенство: из дикарей они сделали христиан, из невежд — образованных; они строили церкви, основывали школы и до сих пор еще лучи христианского света доходят до Аляски не из Вашингтона, а к стыду нашему, из Петербурга и из Москвы».

За свою плодотворную миссионерскую деятельность среди народов далекой окраины России епископ Иннокентий в 1850 г. был возведен в сан архиепископа.

Во время своих путешествий по материку Азии архиепископ Иннокентий бывал также и у якутов и тунгусов, входивших в состав Иркутской епархии, но за отдаленностью никогда не посещавшихся своими архипастырями. Архиепископ Иннокентий был знаком с этими народами еще с детства, когда он сталкивался с ними у себя на родине в селе Ангинском и в Иркутске. Результатом его попечений об этих народах Якутская область была отчислена от Иркутской епархии и присоединена к Камчатской. В связи с этим архиепископ Иннокентий вскоре перенес свое постоянное местопребывание в Якутск.

Новые миссионерские труды предстояли здесь архиепископу Иннокентию. Якуты, принимая крещение, главным образом, из-за подарков и некоторых льгот оставались почти в полном неведении христианства и, вследствие редкого посещения их священниками, часто сохраняли прежние языческие верования и обычаи. Верный своим принципам, архиепископ Иннокентий принял немедленно за просвещение страны, открывая храмы и часовни и переводя на якутский язык священные и богослужебные книги, для чего им была организована специальная комиссия. Несмотря на трудности этого перевода, Комиссия успешно справилась со своей задачей, и 19 июля 1859 г. в Якутском Троицком соборе было впервые совершено богослужение на якутском языке. Понятно, что это событие якуты встретили, как настоящий праздник, а самый перевод очень облегчил дальнейшее просвещение якутов, которые охотно стали учиться грамоте на родном языке. Кроме якутского, одновременно делались переводы и на тунгусский язык, грамматика которого также была составлена.

Миссионерское рвение архиепископа Иннокентия простиралось и на более отдаленные народы, живущие по Амуру и даже за границей Китая, где оказывались люди, слышавшие христианскую проповедь и выражавшие желание креститься. Как человек, преданный своей Родине и близко принимавший к сердцу ее интересы и величие, архиепископ Иннокентий проявил большую заботу о благоприятном для России разрешении Амурского вопроса. Для этого он сам совершил путешествие по Амуру и составил подробную записку «Нечто об Амуре», в которой, на основании личных наблюдений и опросов, решает вопрос о необходимости Амура для России и о возможности как навигации по Амуру, так и заселения его берегов. В качестве миссионера архиепископ Иннокентий назначил в эти места своего сына, священника Гавриила Вениаминова.

В 1854 г., во время нападения англичан (в связи с Крымской войной) на наши дальневосточные владения, архиепископ Иннокентий отправился на Амур через Аян, захваченный англичанами. А когда те хотели взять его в плен, он убедил их, что пользы им от этого не будет, что они понесут только ущерб, так как принуждены будут кормить его. Поэтому англичане не только оставили его в покое, но даже освободили захваченного ими перед этим одного священника. За содействие архиепископа Иннокентия делу присоединения Амура к России в его честь был назван город Благовещенск — в память начала его священнослужения в Благовещенской церкви г. Иркутска.

Вследствие обширности епархии и преклонных лет, архиепископ Иннокентий не мог уже посещать свою паству, и потому, во время

своего присутствия в Святейшем Синоде, испросил разрешение на открытие викариатств на Ситхе и в Якутске, оставив себе Камчатку. Но свою деятельность он сосредоточил в Благовещенске на Амуре, куда и перенес кафедру. Посетив Камчатку в последний раз уже в 65-летнем возрасте, архиепископ Иннокентий совершил свое последнее путешествие по Амуру, когда ему было 70 лет. Сообщение о продаже русских владений в Америке Соединенным Штатам наполнило его сердце заботой о дальнейшем существовании там миссии и материальном обеспечении тамошнего духовенства.

Несмотря на бодрость и энергию архиепископа Иннокентия, его годы все же давали себя чувствовать. Кроме того однажды по дороге из Аяна в Якутск он сильно ушиб бок о камень, когда его повозка опрокинулась, в другой раз он вместе с повозкой попал в полынью и промок в холодной воде. Это случилось, когда архиепископу Иннокентию было почти 60 лет, и с этого времени в его письмах начали появляться жалобы на нездоровье. К тому же он начал постепенно терять зрение. Все это побуждало его уйти на покой, о чем он писал и Митрополиту Филарету, прося его дать приют в своей епархии.

Но не к отдохновению от трудов, а к новой деятельности готовил архиепископа Иннокентия Промысл Божий. 19 ноября 1867 г. скончался Московский Митрополит Филарет и преемником его был назначен архиепископ Иннокентий. После усердной молитвы, с преданностью воле Божией, принял архиепископ Иннокентий это назначение, и вскоре, простившись со своей паствой, отправился в Москву, куда и прибыл 26-мая 1868 г.

Но и здесь, будучи Московским Митрополитом, Иннокентий остался верен своему миссионерскому призванию, и во время присутствий в Святейшем Синоде, много заботился о помощи миссионерскому делу. Главной его заботой было наставление народа в основных истинах христианской веры и нравственности, для чего, как в Сибири и в Америке, им были рекомендованы беседы священников со своими прихожанами. А его непосредственная помощь миссионерскому делу выразилась в учреждении миссионерского общества с целью проповеди Евангелия на окраинах России. Открытое в Москве, в январе 1870 г., миссионерское общество встретило большое сочувствие во всех уголках нашей Родины, что выразилось в открытии многих епархиальных комитетов на местах.

Болезнь глаз, от которой Митрополит Иннокентий страдал еще в Сибири, привела его, в конце концов, к почти полной потере зрения. Тяготясь своей слепотой, Митрополит Иннокентий дважды ходатайствовал об увольнении на покой. Однако просьбы его были отклонены. С некоторого времени ему пришлось отказаться от личных поездок по епархии, которые теперь за Митрополита совершались его викариями. С середины 1878 года Митрополит Иннокентий почти непрерывно хворал и даже отменил в конце того же года поездку в Петербург для присутствия в Святейшем Синоде. На Страстной неделе, почувствовав приближение кончины, он просил его посоветовать. Последний раз общался в Великий Четверг. Скончался он в Великую Субботу, 31 марта 1879 года. Перед кончиной просил, чтобы при его погребении никаких речей не было, и чтобы лишь его викарий, Преосвященный Амвросий (позднее епископ Харьковский), сказал слово на текст: «От Господа стопы человеку исправляются» (Пс. 36, 23). Этими словами псалма, лучше всего выражающими жизнь Митрополита Иннокентия, мы и закончим его жизнеописание.

В. Алексеев

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ И РИМ ¹

I

Ликвидация польско-литовской интервенции была в то же время и ударом для римско-католической агрессии. Папский двор и его агенты во время польско-литовской интервенции принимали столь активное участие в делах самозванцев и в походах Сигизмунда и Владислава, что с очищением Москвы и России от польско-литовских захватчиков папы никак не могли рассчитывать на успех в России латинских миссионеров. В сознании русских людей сложилось вполне устойчивое убеждение, что самозванец (Лжедмитрий I) желал не только «похитити царство московское», но и «православную христианскую веру истребити, а ввести проклятую латинскую папешскую веру»². Призыв к освобождению «Нового Рима» — Москвы «толикого многонародного государства христианского верою святаго греческого от Бога данного закона исполненного», звучал одновременно с призывом ополчиться и за христианскую веру, «чтобы она от врагов наших и губителей не погибла». В царствование Михаила Романова (1613—1645) или, точнее сказать, в правление «великого государя» Патриарха Филарета (1619—1633), мы не только не замечаем каких-либо попыток к сближению Православной и Римско-католической Церквей, но под подозрение взято было даже само крещение католиков. При Патриархе Филарете приходящих «от римской веры и от униат» постановлено было «совершенно крестити в три погружения». Были заподозрены как «несовершенно крещенные» и «обливанды», даже православные белоруссы и украинцы³.

Само собой понятно, что при создавшихся условиях нечего было и думать о соединении Церквей. Римско-католическая пропаганда должна была, по крайней мере, на время приостановить свои действия в отношении Русской Православной Церкви. Но соприкосновение с католическим миром происходило по другому поводу. В царствование Михаила Романова усилился приток в Россию из западно-европейских государств разного рода специалистов и главным образом военных. Одни из них приезжали по собственному почину, другие по специальному приглашению. Русское правительство старалось получить действительно нужных лиц и отводило авантюристов. Но при отборе принимаемых на службу играл роль и вероисповедный вопрос. Относясь терпимо к иноземцам, протестантам всех разветвлений, русское правительство настороженно держалось в отношении к иноземцам-католикам и вообще предпочитало не пользоваться их услугами. Не трудно объяснить себе причину такого недоверия к лицам католического вероисповедания.

¹ Начало и продолжение в предыдущих номерах.

² «Собрание государственных грамот и договоров», т. II. М. 1822, стр. 164.

³ «Соборное Изложение Патриарха Филарета («Чтения в Обществе любителей духовного просвещения» 1879 г., №№ 7 и 8).

Протестанты занимались прямым своим делом, не интересуясь пропагандой своего вероучения. Совсем по другому держали себя католики. Под маской военных и всяких других специалистов приезжали (и не редко) тайные и даже явные иезуиты, которые тут же, с места в карьер, переходили к пропаганде католичества и вербованию духовных чад Рима из среды русского православного населения. Как ни старались в Москве не пропускать на Русь иезуитов-католиков, но те все же попадали в Москву разными способами: «и входя через дверь и перелезая инде». Естественно, возникал вопрос о молитвенных зданиях для лиц римско-католического вероисповедания и католических ксендзах. При царе Михаиле и Патриархе Филарете правительство не давало разрешения на постройку в Москве костелов. Когда в 1627 г. посол Людовика XIII Людовиг Гай (Louis des Hayes) просил разрешения построить в Москве католическую церковь для французских подданных, то встретил решительный отказ. Несколько позднее в договоре, заключенном московским правительством с голштинцем Олеарием о транзитной торговле с Персией, было точно оговорено, что проезд через русскую территорию лицам католического вероисповедания строго воспрещается¹.

До конца XVII в. иностранцам-католикам дозволялось только временное проживание в Москве и не разрешалось строить костелы. Когда заинтересованные лица особенно рьяно добивались разрешения построить в Москве костелы, со стороны московского правительства обычно следовал такой ответ: «...в Риме строения благочестивых церквей православных христианских нет же»...².

II

В середине XVII в. внимание Римского папского двора было отвлечено от России событиями на Украине. Как отмечалось еще современниками, восстание украинского народа под руководством Богдана Хмельницкого вызвано было не только классовыми и национальными, но также и религиозными преследованиями украинского народа³. Выступление украинского народа, в числе прочих своих лозунгов, поставившего защиту «старожитной религии греческой и уничтожение церковной унии, как средства колонизации и духовного порабощения украинского населения», естественно, волновало и тревожило находившихся в Польше представителей папского престола — папских нунциев. В своих «реляциях» в Рим они давали самые подробные, но и тревожные сведения о развивавшихся в Польше событиях. Папским нунцием в Польше в первые годы освободительной войны украинского народа был архиепископ Адрианопольский Иоанн де Торрес (1648—1652 гг.). До нас дошли обстоятельные письма этого папского агента, дающие очень много ценного материала для изучения событий на Украине в 1648—1652 гг. Последующие события нашли отражение в «реляциях» другого папского нунция, Лодийского епископа Петра Видони.

В самом начале выступления Хмельницкого папский нунций Иоанн де Торрес еще не верил в успех восстания. «Первоначально казалось, — пишет он 8 июля 1649 г. в Рим из Варшавы, — что можно мало придавать значения возмущению против королевства. Потом же, развиваясь с каждым днем все больше и больше, оно дошло до того, что если Господь не поможет нам, то я чрезвычайно боюсь такой катастрофы, которую не легко выразить (в словах)... Самое восстание украинского народа Торрес характеризует как бунт (*rebellia*), а восставших называет

¹ Д. Толстой, Римский католицизм в России, СПб, 1876 г., стр. 98—99.

² Д. Толстой, Римский католицизм в России, СПб, 1876 г., стр. 99.

³ Летопись «Самовидца», Киев, 1878, стр. 3.

бунтовщиками (rebelli), еретиками (heretici), отщепенцами (schismatici). Автор не щадит по адресу восставших самой грубой брани, характеризуя их, как врагов религии и господ. В духе ненависти к восставшим говорит о событиях на Украине и папский нунций Петр Видони. Впрочем ни Торрес, ни Видони не могут отрицать того, что восстание на Украине и в Белоруссии вызваны чрезмерною «строгостью» владельцев. О религиозных преследованиях в Речи Посполитой оба нунция красноречиво молчат¹.

Рим не оставался безучастным зрителем развивавшихся на Украине событий. После Зборовской битвы 6/16 августа 1649 г., успешной для украинского казачества, король Ян Казимир заключил мирный договор с Хмельницким («Зборовська угода»). В числе условий этого договора было и то, что уния должна быть уничтожена в Польше и Литве. Захваченное католиками и униатами имущество должно быть возвращено прежним владельцам — православным. Киевский православный Митрополит должен иметь кресло в сенате².

Зборовский договор встретил самое враждебное отношение со стороны римско-католического духовенства и польской шляхты. Статья, касающаяся ликвидации церковной унии и уравнивания в правах православных с католиками, сильно встревожила католическое и униатское духовенство. Папский нунций Иоанн Торрес стал бить тревогу, считая заключенный под Зборовом договор вредным для Римско-католической церкви. Впрочем, литовский подканцлер Казимир Лев Сапега писал (4/14 сентября) нунцию, чтобы тот не тревожился, так как договор составлен в осторожных выражениях, и на будущем сейме схизматики не добьются ничего в свою пользу³.

Папа Иннокентий X писал (5/15 октября 1649 г.) королю Яну Казимиру, что он с грустью узнал, что «казаки на основании мирного договора с королем требуют от него и сейма уступок и пактов, которые поддерживают их заблуждения и прямо противоречат католической религии и общественному благу Польши». Хотя папа выражает уверенность в благочестии и благоразумии короля и сейма, но тем не менее считает нужным просить короля, чтобы он не допустил столь тяжелых беззаконий и не допустил умаления достигнутых им в этой войне успехов⁴. В таком же духе и в подобных же выражениях писал папа Иннокентий и польским сенаторам. Папа выражал пожелание, чтобы в заседаниях «ревнующего о законе Божием» сейма возгорелся огонь, уничтожающий ростки и плевелы нечестивых. По папскому поручению более специальные переговоры по поводу отношения сейма к Зборовскому договору должен был вести с польскими сенаторами папский нунций Иоанн де Торрес. Он должен был детально инструктировать польских сенаторов относительно поведения их на сейме, в частности, по униатскому вопросу.

Письма папы и инструкции де Торреса возымели свое действие. Вопрос об унии был отложен до будущего сейма⁵. Приезд в Варшаву Митрополита Киевского Сильвестра (Коссова), который по Зборовскому

¹ Подробнее см. Ватиканські матеріали України, вид. С. Томашевським, т. I (Донесення римських нунцій 1648-658 гг., вып. 1. Тексти. Львів, 1924); Жерела до історії України. Вид. Археогр. Ком. Наук. тов. ім. Шевченка, т. XVI. Донесення Торреса опубліковано ще в «Збірник статей і матеріалів по історії Юго-Зап. Росії», изд. Киевского Ком. для разбора древн. актов, вып. 2-й. Киев, 1916 г.

² Текст Зборовского договора в Актах Южной и Западной России. т. III, № 303, СПб. 1866, стр. 415—415.

³ Сборник статей и материалов по истории Юго-Зап. России, цит. соч., т. II, стр. 180—181.

⁴ Theiner, Vetera monumenta Poloniae et Lithuaniae, Romae. 1861 г., t. III, № 435, p. 460.

⁵ Harasiewicz, Annales Ecclesiae Rutheniae. Leopoli. 1862, стр. 336.

договору должен был занять место в сенате, вызвал бурю возмущения среди польской шляхты и католического духовенства. Католические епископы грозили покинуть помещение сената, если в нем окажется «митрополит-схизматик». Последнему пришлось уехать из Варшавы. Зборовский договор оказался не реальным. Польская шляхта не стала выполнять его. Снова возгорелась война украинского народа с польской шляхтой. Рим не мог и не желал держать себя безучастно. В 1651 г. в г. Люблин, где под королевскими знаменами должно было собраться «посполитое рушенье», прибыл известный уже нам папский нунций Иоанн де Торрес. Денег, о которых польское правительство просило папу и которые больше всего нужны были королю на ведение войны, нунций не привез, но зато он привез папское благословение, отпущение грехов идущим в поход, королю освященный на гробе апостола Петра меч, а королеве золотую розу. Король, в свою очередь, обнародовал, что предпринимаемый им поход ставит своею целью защиту Римско-католической Церкви¹.

Православное духовенство не относилось безучастно к развертывавшимся событиям. При Хмельницком находились Коринфский Митрополит Иоасаф и Назаретский Митрополит Гавриил. Эти иерархи являлись посредниками между восставшим украинским народом и правительством царя Алексея. Константинопольский Патриарх Парфений обратился к Хмельницкому со специальной грамотой, призывающей на него Божие благословение, восхваляющей его благочестие и одобряющей предпринятую им за православную веру войну. По городам и селам Украины разошлись отряды афонских монахов, призывающих народ выступить в защиту своей веры². Главное сражение между польско-шляхетскими войсками и казацко-крестьянским войском произошло у местечка Берестечко (20/30 июня 1651 г.). Мы не будем описывать события, предшествовавшие битве под Берестечком. Отметим лишь интересные нас церковные моменты.

Утро 20/30 июня... От реки Стыри поднимается густой туман. Сквозь туманную завесу еще нельзя было различать движений во вражеском лагере, но до казаков долетали слова церковных песнопений: «О, всепетая, Мати!». Это холмский униатский архимандрит (а с 1652 г. епископ) Яков Суша служил торжественный молебен о даровании победы польским шляхетским войскам над украинским народом пред чудотворным образом Холмской Божией Матери, специально доставленным в королевский лагерь из Холма³. Королевский канцлер, епископ Хелминский Лещинский с находившимся в королевском лагере католическим духовенством также совершал молебствие о победе над врагом и с крестом проходил среди рядов воинов-католиков. За ним следовал король. Аналогичные явления происходили и в украинском лагере. Здесь также раздавались трогательные аккорды гимна Пресвятой Богородицы. Брестская церковная уния разделила на двое украинский народ.

После молебна о ниспослании победы украинскому народу пред казацкими рядами верхом на лошади в архиерейском одеянии проехал Коринфский Митрополит Иоасаф, а за ним в парадном гетманском наряде, опоясанный освященным на гробе Господнем мечом, последовал гетман Хмельницкий.

Во время сражения крымский хан изменил Хмельницкому и оставил поле. Погнавшийся за ханом Хмельницкий был задержан в ханском ла-

¹ Костомаров, Богдан Хмельницкий, т. II, стр. 301—302.

² Акты Южной и Западной России, т. III, СПб, 1863, стр. 456; Костомаров, цит. соч., т. III, стр. 305.

³ Narasiewicz, Annales Ecclesiae Rutheniae, op. cit., p. 330.

гере. Отъезд гетмана комментировался на разные лады и внес дезорганизацию в казацкий лагерь. В казацком лагере появились вражеские агенты и сеяли панику. Ставший во главе казацкого войска — Иван Богун нашел себе деятельных помощников в лице Митрополита Иоасафа и других представителей православного духовенства, бывших в казацком лагере. Богун прежде всего решил вывести казацкое и крестьянское войска из берестечского лагеря, но сделать это нужно было незаметно для окружавших лагерь польских шляхтичей. Переправа предстояла через болото. Когда оставалось переправить уже незначительную часть казацкого лагеря, вдруг среди восставших началась паника. Каждый хотел пробраться раньше других и у переправы образовалась беспорядочная толпа. Возникший шум привлек внимание польского войска. Не растерялся Митрополит Иоасаф и обратился к казакам с убеждением притти в себя и спокойно в порядке перейти болото. Слова мужественного Владыки уже оказывали действие на паникеров. Чтобы устранить влияние Митрополита Иоасафа, какой-то озверелый шляхтич пронзил его мечом.

В освободительной войне украинского народа, как мы уже отметили, принимали активное участие как православное, так и католическое и униатское духовенство. Как показывает ход событий, Рим напрягал все усилия к тому, чтобы подавить выступление украинского народа. В свою очередь, православные первоиерархи оказывали восставшим моральную поддержку. Едва ли актом простой любезности являлся отзыв Хмельницкого о Главе Русской Церкви Патриархе Никоне, как о друге украинского народа, милостивом заступнике и ходатае к Московскому царю. Сопоставляя события, можно придти к выводу, что «собиный друг» царя Алексея форсировал решение московского правительства о приеме Украины «под высокую государеву руку»¹.

III

Занятый событиями на Украине папский двор, однако, не забывал и о Московии. Неудавшаяся авантюра с Лжедмитрием не остановила Рим от дальнейших опытов в этом роде. В середине XVII в. Рим собирался вмешаться в новую авантюру. В это время в Польше объявился новый самозванец, некто Тимофей Акундинов², выдававший себя за никогда не существовавшего сына царя Василия Ивановича Шуйского. Польская шляхта оказывала поддержку Акундинову. Разыскания в римских архивах Конгрегации Пропagанды веры, произведенные П. Пирлингом, дают возможность установить еще одну деталь. Оказывается, что новым самозванцем был заинтересован и Рим и 27 апреля 1648 г. об Акундинове состоялся специальный доклад в Конгрегации Пропagанды. При этом отмечалась склонность его к католичеству. Постановлено было уточнить имеющиеся сведения об Акундинове и, в случае перехода его в католичество, испросить ему аудиенцию у папы Иннокентия X. Дальнейший ход этого дела нам неизвестен, но чрезвычайно показательным является уже тот факт, что судьба первого

¹ «Акты Южной и Зап. России», т. III, СПб. 1863, стр. 516; «Акты Южной и Зап. России», т. VIII, СПб. 1875, Прибавление № 38, стр. 369.

² Общая биография Тимофея Акундинова рассказана современником голштинцем — Олеарием («Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно» (русский перевод Ловягина, СПб., 1906 г., изд. А. С. Суворина, стр. 242—245). Архивные разыскания позволили С. М. Соловьеву восстановить приблизительно полную картину эпопеи Акундинова («История России с древн. времён», кн. I, стр. 1497—1500; 1601—1608; 1644—1649). Обычно устанавливаются такие пункты, где побывал этот авантюрист: Турция, Италия, Украина, Голштиния и, наконец, Москва, где он был казнен.

и второго Лжедмитрия не послужила для Рима назидательным уроком¹.

Очень зорко следил Рим и за событиями в Русской Православной Церкви. С 1652 по 1658 год патриарший престол занимал Никон². Это был выдающийся человек, достигший высокого звания в силу своих исключительных дарований. Царь Алексей не мог не обратить внимания на Никона, когда тот был еще игуменом Кожеезерского монастыря. Переведенный по желанию Алексея в Москву архимандрит Новоспасского монастыря Никон стал «собинным другом» царя. Пользуясь своим привилегированным положением, еще будучи архимандритом, а потом Новгородским Митрополитом, Никон начал борьбу с опубликованным в январе 1649 г. «Соборным Уложением», ограничившим компетенцию церковного суда и стеснившим рост церковного землевладения. Он называл его «проклятой книгой»³. Кроме того, Никон выступил с теорией приматства церковной власти над светской⁴. Очень рано, во всяком случае не позднее 1653 г. Никону, уже Патриарху, по инициативе царя Алексея, усвоено было именование «великий государь» и до 1658 г. продолжалось его «государствование». Полный титул Патриарха Никона был таков: «Божиею милостию великий государь Святейший Никон, архиепископ царствующего града Москвы и всея Великия и Малыя и Белые России и всея Северная страны и Помория и многих государств Патриарх»... «Государствование» Патриарха Никона было не только в теории, но оно выражалось на практике. К Никону за разрешением разных вопросов обращались и гетман Хмельницкий со своим писарем Ив. Выговским и иноземные послы, просили его о защите и захваченные в крепостную неволю в войну 1654—1667 гг. крестьяне из польско-литовских уездов. Во время отъезда царя Алексея в 1654 г. на театр военных действий Никон оставался фактическим правителем государства. К нему являлись на прием даже старейшие бояре. Никон был достаточно колоритной фигурой, и Рим не мог не заинтересоваться им. Идея приматства Церкви, как града Божия, над государством, высказанная некогда блаженным Августином и развитая папой Иннокентием III, нашла, как мы видим, теоретическое обоснование и практическое применение в деятельности Патриарха Московского. Но можно с уверенностью утверждать, что Никон иначе, чем Иннокентий, понимал идею превосходства церковной власти над гражданской. Иннокентий мыслил папу, как раздавателя императорской и королевских корон, как высшего главу, заместителя Христа, которому должны повиноваться император и король. Никон понимал церковное приматство, как моральную контролирующую силу, помощью и контролем которой должны руководиться светские правители. Несмотря на требование царя Алексея, Никон отказался отлучить от Церкви шляхтича Поклонского и Слуцкого архимандрита Феодосия (Василевича), находя требование царя необоснованным. Боярской клике, состоявшей из Никиты Одоевского, Родиона Стрешнева, Хитрово и некоторых других лиц, желавших самим владеть царем Алексеем, «собинный друг» царя был неприятен. Никон платил своим врагам тою же монетой. Победили бояре⁵.

В нашу задачу не входит подробно рассказывать о конфликте меж-

¹ П. Пирлинг, Тимофей Акундинов в Риме («Русская Старина» 1908 г., октябрь, стр. 3; тоже в его «Исторических статьях и заметках». СПб. 1913 г., стр. 172—173.

² Официально Патриарх Никон лишен был сана только соборным определением 12 декабря 1666 г.

³ «Русский Архив» 1886 г., т. II, стр. 605—620. Статья Ундольского, В. М. «Отзывы Патриарха Никона об Уложении».

⁴ Ему приписывают такую фразу: «священство царства преболе есть. Царь же есть и не может быть главою Церкви» (Из цитированной статьи Ундольского).

⁵ Михайловский, Житие Никона. («Странник» 1863 г., стр. 152, 163 и 187).

ду Никоном и царем Алексеем. Последний был безусловно неправ. Во-первых, Никон не самовольно стал именовать себя «великим государем». Так именовал его царь Алексей, что достаточно убедительно доказал сам Никон. Во-вторых, царь Алексей упорно избегал личного объяснения с Никоном, а бояре старались не допустить этого объяснения. Таким образом именно Алексей уклонился от мирного разрешения возникшего конфликта. Историки, в том числе и историки Церкви, как-то затушевывают одно, по нашему убеждению, очень важное обстоятельство в деле Никона.

Прошло несколько лет после оставления Никоном патриаршего престола. Царь Алексей понимал, что необходимо устранить создавшееся в Церкви ненормальное положение. Для этого он решил созвать для суда над Никоном собор, пригласив для участия в нем восточных иерархов. Прибыли не все восточные Патриархи: не явились, к сожалению, Иерусалимский Патриарх Нектарий и Константинопольский Парфений. Между тем, будь на соборе Патриарх Нектарий, было бы обезвреженным одно из наиболее позорных орудий против Никона — Газский митрополит Паисий Лигарид. Это — темная личность, «крипто-католик», или, лучше сказать, религиозный хамелеон, на первом плане ставивший только материальные и особенно денежные интересы. По выражению современника, Паисий — «грек между греками и латинянин между латинянами». Двуличность у него соединялась с редким корыстолюбием. Узнав о Лигариде, из рассказов Арсения Суханова, Никон в 1657 г. приглашал его к себе, как человека образованного. Но Лигарид почему то не откликнулся на этот призыв, очевидно, опасаясь, что Никон разгадает его подлинное лицо. В это время Иерусалимский Патриарх Нектарий, уже успевший выяснить подлинное лицо Лигарида, запретил его в священнослужении и даже, как свидетельствуют наши источники, анафематствовали его. В 1662 г., когда Никон был уже в опале, и церковные дела в Москве были запутаны, Лигарид прибыл в Москву. Рассчетливый и корыстолюбивый проходивец нашел выгодным для себя стать главным обвинителем Никона. Разумеется Лигарид скрыл свое самозванство и не представил царю Алексею никаких документов о своем церковном положении¹.

Враждебное отношение к Никону подкупило в пользу Лигарида царя Алексея, принявшего Лигарида, как выражался Никон «яко пророка». Паисий Лигарид держал себя в Москве развязно и даже стал вмешиваться в замещение архиерейских кафедр. В Москву «за милостыней» частенько заглядывали восточные иерархи. Но Паисий Лигарид занялся прямым вымогательством без всякого зазрения совести. В этом отношении он оказался виртуозом: он получал «пособия» и в Москве и из Рима. Нас прежде всего интересует отношение Лигарида к Риму. Когда Никон, имея на это данные, обвинял Паисия в папской агентуре, тот отрекся от этого и, в свою очередь, посыпались обвинения по адресу Никона, якобы требовавшего перенесения его дела на суд папы. Однако, документально устанавливается, что по приезде в Москву в 1662 г. Лигарид немедленно же вступает в письменные сношения с администрацией Римской коллегии пропаганды и с папским нунцием в Польше Пиньятелли (будущим папою Иннокентием XII). Интересно отметить, что к Паисию Лигариду обращался с письмами и польский король экс-иезуит и даже экс-кардинал Ян Казимир.

Таким образом, тайный агент Рима стал главным обвинителем выдающегося православного Русского Патриарха. Можно сожалеть,

¹ О приезде Паисия Лигарида в Москву, рассказывает в своей обстоятельной работе проф. Н. Каптерев, «Характер отношений России к православному Востоку в XVI—XVII вв.», М. 1884 г., изд. 2-е, Сергиев посад, 1914 г.

повторяем, что не были в Москве главы Иерусалимской и Константинопольской Церквей, в присутствии которых Паисий Лигарид не осмелился бы держать себя столь вызывающе. Остается еще не вполне выясненным: по своей ли инициативе действовал Лигарид в отношении Никона, или он выполнял соответствующую директиву своих римских патронов.

Не перестает Лигарид действовать в интересах Рима и в последующие годы. Король Ян Казимир, когда в 1667 г. разрешался вопрос о заключении перемирия между Россией и Польшей, поручил своим послам (Станиславу Беневскому и Киприяну Бржостовскому) поднять вопрос и о соединении Церквей. Папский нунций в Польше, известный уже нам Пиньятелли, сообщал в Рим, в Коллегию пропаганды, что польские послы в Москве вели тайный разговор с Ордином-Нащокиным, который предлагал польскому шляхте объединить Речь Посполитую с Московским государством под скипетром русского царя. Об этом же будто бы вел разговор с польскими послами и сам Алексей Михайлович, который предлагал польским послам переговорить с находившимися в Москве Восточными Патриархами (Александрийским и Антиохийским) об устранении стоящих на пути к политическому объединению религиозных препятствий. Послы виделись с Патриархами и, конечно, с Паисием Лигаридом. К сожалению, не удается выявить подробности этих переговоров. О них мы узнаем уже из вторых рук — из королевских грамот и депеш в Рим папского нунция. Сообщения послов и папского нунция давали, очевидно, какие-то надежды королю. 28 марта 1668 г. король Ян Казимир обратился письменно к находившимся в Москве Восточным Патриархам (Антиохийскому Макарию и Александрийскому Паисию), Паисию Лигариду и царю Алексею Михайловичу. В письме к Патриархам он изложил богословские соображения в пользу соединения Церквей, используя свои прежние знания. Паисию Лигариду король напомнил его прошлое, в частности, пребывание его в Риме в роли ученика и католического патера; царю Алексею король предлагал созвать в Москве, в июне месяце текущего года, собор из русских и польских епископов для обсуждения вопроса о соединении Церквей. Нунций, впрочем, предостерегал папский престол не увлекаться надеждой на подчинение Русской Церкви Риму и отмечал, что во всех этих переговорах русских интересуют больше всего вопросы политические, а не богословские и церковные. В Риме не обратили внимания на эти предостережения и для «русских дел» была назначена специальная комиссия из 4 кардиналов.

Но дело вдруг заглохло. В Москве не торопились с ответом королю. Приезжавшие в Варшаву русские послы по религиозным вопросам обычно отмалчивались. В Риме, однако, не желали терять надежды на успех. Папскому нунцию Пиньятелли, а затем сменившему его Марескотти (епископу Коринфскому) даны были соответствующие инструкции. В качестве посредника был привлечен к делу некто Людвиг Ширецкий, монах-доминиканец, в течение 13 лет бывший в плену в Москве и имевший там большой круг знакомых. 20 июня 1668 г. он секретно запросил Лигарида о ходе дел в Москве и просил высказать свои соображения, как лучше действовать. При этом Лигариду была обещана награда за его услуги. Когда Лигарид получил это письмо, акции его стояли в Москве уже не высоко. В своем ответном письме (от 25 сентября 1668 г.) он рисует неприглядную, но вполне реальную картину. Из двух находившихся в Москве Патриархов один уже отошел от мысли о соединении Церквей, а другой собирается к отъезду домой. Царь Алексей занят другими делами. Единственным ревнителем унии остается он, Лигарид. Но он находится под анафемой Иерусалимского Патриарха, и не предвидится надежды снять эту анафему. Верный себе

Паисий просит выдавать ему денежное пособие, которое он и ранее регулярно получал от Конгрегации пропаганды. Расчеты на соединение Церквей также быстро рухнули, как неожиданно они и возникли.

В 1676 г. Паисий Лигарид, проживавший еще в Москве, обращался к кардиналу Барберини с советом признать царский титул за новым Московским царем Федором Алексеевичем. Ответа не последовало. Только позднее, в 1697 г., кардинал Альбани в Коллегии пропаганды выражал сожаление, что Рим не воспользовался предложением и услугами Паисия Лигарида¹.

IV

На протяжении всего XVII века мы знаем только один случай сношения русского правительства с римским двором. Но и на этот раз русское правительство обращалось в Рим не по церковным делам, а политическим. По Андрусовскому перемирному договору 1667 г. за Россией оставалась только Левобережная Украина, а Правобережье переходило к Польше. Только Киев на два года оставался за Россией. Население Правобережной Украины, вынесшее длительную кровавую борьбу за свое освобождение, не желало примириться с восстановлением польско-шляхетского господства на Украине. Гетман Правобережной Украины Петр Дорошенко признал протекторат над Правобережьем Украины турецкого султана. Турция начала войну с Польшей. В 1672 г. был занят турками Каменец-Подольск. В войну с Турцией вступила и Россия, так как опасность турецкого завоевания грозила не только Киеву, но и Левобережной Украине. Правительство царя Алексея через начальника Посольского приказа Артамона Сергеевича Матвеева разослало обращение о совместной борьбе с Турцией ряду западно-европейских правителей: императору, королям французскому, английскому, шведскому, датскому, курфюрстам: саксонскому, бранденбургскому, и римскому папе. Царскую грамоту с призывом к войне с Турцией повез в Рим майор пехотного строя Павел Менезий (Менезиус). Интересен наказ, данный Менезию русским правительством. Следует отметить, что Менезий был по вероисповеданию католик. В царской грамоте, которую повез Менезий, обращение к папе кратко и сухо сформулировано так: «вы, папа, учитель римского костела». В наказе Менезию было запрещено целовать папскую туфлю. Если папа, при произнесении имени государя не встанет и не спросит о его здоровье, то Менезий, «оберегая честь государеву», должен был заметить ему, что «когда посланные государя нашего бывают у цесарского величества, то цесарь по братской любви и дружбе к государю, при имени его встает и снимает шляпу, также и о здоровье государевом спрашивает, стоя и без шляпы». 8 августа 1672 г. Менезий приехал в Рим. Начались споры о выполнении обычного ритуала на приеме у папы. После долгих и настойчивых напрасных уговоров выполнить положенный ритуал папа освободил Менезия от целования папской туфли. Не согласился он целовать и край папской одежды. Отказался Менезий и стать на колени. Дело кончилось только тем, что Менезия взяли под руки и насильно заставили его поклониться перед папой. Уезжая (20 сентября) из Рима, Менезий отказался взять ответную папскую грамоту, которая была адресована «любезному сыну, благородному мужу, Алексею Михайловичу,

¹ Интересные сведения о деятельности в России Паисия Лигарида, как римско-католического агента приводит П. Пирлинг. Названный автор дает резко отрицательную характеристику Паисию Лигариду, как человеку корыстолюбивому. Пирлинг приводит убедительные доказательства католической агентуры Лигарида. (Пирлинг, П., Паисий Лигарид, — «Русская Старина» 1902 г., февраль, стр. 337—351. С некоторыми дополнениями эта статья перепечатана в «Исторических статьях и заметках» этого же автора, СПб, 1913 г., стр. 104).

великому князю Московскому»...¹. Титул «учитель римского костела» был признан в Риме не соответствующим достоинству «преемника Петра и отца всех христиан». Но папский двор понимал, что для признания за папой более высокого звания, Рим должен будет пойти на встречу требованиям русского правительства.

* * *

После частых и продолжительных совещаний и написания большого количества ученых трактатов pro и contra, в Риме решили признать за русским правителем титул царя.

Посольство к папе от русского правительства вызвано было случайными политическими обстоятельствами и, повидимому, главным образом советом Артамона Сергеевича Матвеева. Об этом посольстве в Москве скоро и забыли. Но Рим снова стал питать несбыточные надежды. Как видно из появившихся в Риме в эти годы трактатов, Русская Церковь снова стала предметом внимания папского престола, и к народу, «ходящему во тьме и живущему в стране тени смерти» снова решено было направить армию миссионеров².

Однако опыт прошлого заставил римский папский престол воздержаться от решительных действий и держаться более осторожной политики. Безуспешно пытался Рим завязать сношения с русским правительством через польского посла Михаила Чарторыйского. Неудачным оказался подобного рода опыт и в 1681 г., несмотря на то, что в Московском государстве в это время действовал папский агент известный уже нам Паисий Лигарид.

Между тем в Московское государство не переставали прибывать иноземцы не только протестанты, но и католики, которые добивались права иметь при себе католическое духовенство и молитвенные здания. Если протестантские пасторы были относительно сдержаны в миссионерской ревности, то католические патеры, особенно иезуиты, при всяком удобном случае старались умножить свою паству³. В составе посольской свиты некоторых западно-европейских государств нередко оказывались тайные иезуиты. В 1684 г. 14 мая прибыл в Москву императорский посол Жировский. Почти одновременно в Москве оказался некто Карл Маврикий Вота, имперский секретарь, тайный иезуит, который сумел приобрести доверие и расположение известного фаворита правительницы Софьи — Василия Васильевича Голицына⁴. Покидая русское государство, Жировский оставил в Москве своего духовника иезуита Шмидта, которому разрешено было отправлять богослужение для проживавших в Москве католиков. Но кроме этой легальной деятельности, иезуит Шмидт выполнял и другие функции, уже неофициального порядка. Он распространял католичество среди православного русского московского населения. Вкравшись в доверие к В. В. Голицыну, Шмидт вскоре же (в 1685 г.) получил себе помощника в лице иезуита Альберта Дебоа, прибывшего в Москву с цесарским гонцом Яганом

¹ Толстой, Д., Римский католицизм в России, СПб., 1876 г., стр. 100—103; там же «Приложение» № 2, стр. 344—345.

² *Historia Russiae monumenta* (под ред. Тургенева), t. II, p. 224—243.

³ Истории протестантизма в Московском государстве посвящено несколько исследований, из которых следует отметить такие: 1) Ив. Соколов, «Отношения протестантизма к России в XVI и в XVII в.» М. 1880; 2) Цветаев Д. В., «Протестантизм и протестанты в России в XVII в. до эпохи преобразований. М. 1887 г. Кроме того, перу Д. В. Цветаева принадлежит и ряд других исследований, например: 1) «Обращение иноземцев протестантов в Московском государстве» («Русский Вестник» 1886 г., №№ 8 и 10); «История сооружения первого костела в Москве». М. 1886 г.; «Построение первой каменной протестантской церкви в Москве». М. 1885. и др.

⁴ Н. Н. Бантыш-Каменский, Обзор внешних сношений России (по 1800-й год), ч. I, М. 1894, стр. 29.

Курцием. Курций привез с собою грамоту папы Иннокентия XI, выразившего желание вступить в переписку с русским правительством. Но на это предложение ответа не последовало¹.

В 1686 г. польский посол Огинский доставил в Москву еще одного иезуита Бартоломея Меллера. При этом Огинский с циничною откровенностью заявил, что если Россия получила двух иезуитов от императора, то хотя бы одного она получит от польского короля. В 1697 г. в Москву явился и еще один иезуит, четвертый по счету. Прибыл он от императора и звали его Товия Тихавский (иногда он именуется Тихановский)². Таким образом в Москве составила небольшая, но тесно спаянная иезуитская коллегия.

В 1685 г. на средства, отпущенные венским двором, в Москве, в Немецкой слободе, был куплен дом на имя итальянца Гваксония, иезуита, спрятавшегося под именем флорентийского купца. Иезуиты не замедлили открыть школу для русской молодежи, стали выпускать книги на русском языке и распространять католические иконы. Развязность иезуитов дошла до того, что, если верить случайно попавшему в руки посольского приказа письму, один из проживавших в Москве иезуитов рассчитывал стать даже Московским Патриархом³.

Скоро действия иезуитов стали выявляться наружу и, естественно, встревожили высшие церковные власти. В 1688 г. Патриарх Иоаким обратился к царям Ивану и Петру Алексеевичам с просьбой приостановить действия в Москве иезуитов и, лучше всего, изгнать их. Это последнее, по мысли Патриарха, не могло представлять каких-либо трудностей, так как иезуиты расположились в Москве без правительственного разрешения. «Католиков в Москве не так уж много, — говорил Патриарх, — и насильно их в Москве никто не держит».

В 1689 г. последовал царский указ об иезуитах, приказывавший им оставить столицу⁴. Но высылка их была обставлена знаками внимания. Иезуиты были отправлены «милостиво», на дорогу их снабдили деньгами и продовольствием и дали подводы доставить их до Литовской границы. Попытки иезуитов удержаться в Москве оказались безрезультатными. За поддержкой они обращались к польскому резиденту Довманту, который, в свою очередь, вступил в переговоры с влиятельным в то время думным дьяком Украинцевым с ходатайством об оставлении в Москве хотя бы одного иезуита. Но Украинцев отвел эту просьбу, выразив удивление, почему это польский резидент вмешивается в дела подданных римского императора. Не помог иезуитам и временщик Голицын, которому иезуиты рассыпались в похвалах, а император прислал в подарок ему великолепную карету. Победил Патриарх. 5 октября 1689 г. иезуиты должны были оставить русскую столицу⁵.

Отныне все надежды иезуитов возлагались на императора. В 1691 г. в Москву явился императорский посол Яган Игнатий Курций. В самый день приезда он в доме Гваксония имел встречу с известным Патриком Гордоном, тайным агентом императора и усердным католиком. Отметив, что император высоко ценит проявленное в недавнее время «благоклонное» отношение русского правительства к иезуитам, и глубоко опечален изгнанием их из Москвы, Курций от имени императора изложил просьбу вернуть изгнанников, поскольку живут же в Москве лютеране и кальвинисты. Курцию было заявлено, что строить в Москве костелы и открывать католические школы нельзя, и о возвращении иезуитов

¹ Н. Н. Бантыш-Каменский, Обзор внешних сношений России (до 1800-й год), ч. I, М. 1894, стр. 29.

² Там же, стр. 33.

³ Подробнее об этом см. в цитированной книге Д. Толстого, стр. 114.

⁴ Полное собрание Законов Российской Империи, т. III, № 1351.

⁵ Д. Толстой, цит. соч., стр. 116—117.

в Москву не может быть и речи. Правда, иезуитам недавно в угоду императору было разрешено проживать в Москве и отправлять богослужение, но они занялись не своим делом: завели переписку со своими заграничными патронами, информируя их обо всем, что делается в Москве, стали привлекать в свои школы русскую молодежь, совращая их в католичество, и вели религиозную пропаганду среди русского населения.

Курций стал доказывать, что недовольство на иезуитов — результат интриг, проживавших в Москве лютеран и кальвинистов, и что если иезуиты по человеческой слабости вышли за пределы дозволенного, то их можно было бы остановить и запретить им впредь делать это. Наконец, Курций предложил не изгонять иезуитов из пределов Московского государства, а только через каждые три года менять их личный состав, как это делалось в Венеции. Чтобы устранить возможность недоразумений в будущем, Курций проектирует составить инструкцию, которую должны будут иезуиты руководствоваться в своей деятельности. В заключение Курций предупредил русское правительство, что если оно не согласится вернуть иезуитов, то император окажется в неловком положении, так как он обещал иезуитам добиться для них права проживать в Москве.

Все эти доводы, однако, оказались не убедительными. Курцию в решительной форме было отказано вернуть в Москву иезуитов. Только в виде исключения, во внимание к просьбе императора и других «начальных людей католического вероисповедания», русское правительство согласилось разрешить проживать в Москве одному католическому священнику, но не монаху, а тем более не иезуиту. Богослужение он должен был совершать в частном доме, не должен был вмешиваться в мирские дела и совращать в католичество русских людей. В виде исключения в помощь белому священнику Курций добился права проживать в Москве монаху-доминиканцу¹.

Поселившиеся в Москве духовные лица католического вероисповедания находили поддержку и покровительство со стороны известного Патрика Гордона, который не переставал забрасывать правительство просьбами о разрешении построить в Москве костел. Так как всякий раз Гордон получал отказ, то он решил прибегнуть к хитрости. Уже названный нами Гваксоний приказал вырыть возле своего дома склеп якобы для погребения в нем членов семейства Гордона. Над склепом начали сооружать часовню («каплицу»). Понимая действительное назначение будущей каплицы, православное духовенство подняло тревогу. Сооружение часовни было приостановлено, но спустя небольшой промежуток времени без всякого разрешения она была достроена и превратилась в костел.

В конце XVII и в начале XVIII вв. приток иноземцев в Москву еще более усилился. Среди них, несмотря на рогатки, проникали и католики. Среди разного рода специалистов, нанятых за границей Петром во время его путешествия, каким-то образом оказался и католический епископ². Под предлогом проезда в Китай, Индию и Персию в Москве и в новой столице, Петербурге, снова стали появляться иезуиты. Стремление сохранить дружеские отношения с империей побуждали русское правительство смотреть на незваных и непрошенных гостей сквозь пальцы. Иезуиты стали держать себя осторожнее. Чтобы не раздражать население они на улицах показывались или в светской одежде, или в одежде белого католического духовенства. Когда русские несколько привыкли к ним, то снова появилось и училище, в котором стала обу-

¹ Полное собрание законов Российской Империи, т. III, № 1388; Д. Толстой, *цит. соч.*, стр. 119—124.

² Д. Толстой, *цит. соч.*, стр. 131—132.

чатся русская молодежь. Чтобы легализовать свою школьно-педагогическую деятельность, иезуиты добились в Посольском приказе согласия обучать молодых людей латинскому и польскому языкам для подготовки дипломатических кадров. Количество учащихся в иезуитской школе возрастало. В 1707 г. в ней обучалось уже 50 русских мальчиков. Некоторых своих питомцев, подающих большие надежды, иезуиты отправляли в Рим для завершения образования. Так, например, в 1710 г. был отправлен в Рим, где и вступил в иезуитский орден, молодой Ладыженский. С миссионерской деятельностью иезуиты совмещали и роль агентов венского двора. В этом отношении приобрел известность иезуит Энгель, присланный в Петербург в 1715 г. инфлянтским католическим епископом Шембеком¹.

Резко изменилось положение иезуитов в России после того, когда произошло охлаждение между русским и венским дворами. В связи с делом царевича Алексея должен был выехать из России австрийский посол Отто Плейер². 17 апреля 1719 г. последовал царский указ о высылке из пределов России протежируемых императором иезуитов³.

Иезуиты были изгнаны за то, что они стали вмешиваться в политические дела. Но правительство Петра I не подвергло преследованию католическое духовенство в целом. Изгнанных иезуитов заменили монахи-капуцины.

В Риме нашли такую замену неподходящую, и папа рекомендовал принять монахов францисканского ордена. Принципиального различия между этими орденами не было: и капуцины и францисканцы одинаково занимались пропагандой католицизма, но капуцины действовали осторожнее, без шума, исподволь. Такая осторожность и медлительность, очевидно, не одобрялись в Риме. Русскому правительству удалось перехватить папскую грамоту русским францисканцам, в которой последним предписывалось вести энергичную пропаганду католичества среди русского населения. В своем донесении императору Петру Синод, характеризуя францисканцев как папских шпионов, отмечал вред их не только для Церкви, но и для государства. Но, несмотря на поднятую Синодом тревогу, францисканцы взяли верх над капуцинами, и 7 февраля 1724 г. получили в свое распоряжение на четыре года Петербургский костел. Началась борьба между обоими орденами, которые стремились втянуть в эту борьбу находившихся в России представителей разных государств. Францисканцев поддерживал Рим и австрийское правительство, снова наладившее отношения с петербургским двором. Французский посол (Кампредон) поддерживал капуцинов. Правительство Петра поступило по-своему. В 1724 г. оно предложило оставить Россию и францисканцам и капуцинам и пригласило взамен тех и других монахов доминиканского ордена на том основании, будто бы устав доминиканского ордена запрещает своим членам заниматься политическими делами. Возможно, что Петр I хотел сделать приятное папе, который был членом доминиканского ордена.

Были ли непосредственные сношения русского правительства с римским двором в конце XVII и в первой половине XVIII в.? На этот вопрос можно ответить положительно. По двум вопросам они происходили. Первый вопрос касался титулов. Папы требовали, чтобы русские правители свои грамоты адресовали: «Святейшему великому господину и отцу»... Русские не соглашались на этот титул и применяли другой: «Честнейшему и избраннейшему господину... папе и пастырю римского косте-

¹ Д. Толстой, цит. соч., стр. 131—132.

² Н. Н. Бантыш-Каменский, Обзор внешних сношений, цит. соч., стр. 48—49.

³ Д. Толстой, цит. соч., стр. 140—141.

ла...» Папские представители не соглашались на такой титул. На этой почве происходили бесконечные дискуссии.

Вторым вопросом, побуждавшим русское правительство вести переговоры с Римом — был вопрос, уже приобретший давность, о совместной борьбе с турками. В 1697 г. для разрешения турецкого вопроса было направлено специальное посольство, которое, впрочем, не дошло до Рима и вернулось обратно. В 1697 г. по тому же турецкому вопросу был отправлен в Рим фельдмаршал Борис Петрович Шереметьев, который держал себя на папском приеме так почтительно, что папе и иезуитам показался «близким к царствию Божию».

В 1698 г., когда Петр находился в Вене и собирался было ехать в Венецию для образования антитурецкой лиги, папский нунций уже рисовал заманчивые перспективы подчинения Русской Церкви папе. Но поездка в Венецию не состоялась. Петр вернулся в Москву. Папские агенты не покидали Петра и при его возвращении. Папский нунций обращался было к Лефорту с просьбой о правах для католиков, но тот сразу же отклонил его домогательства. Когда Петр находился в Замостье, нунций через графиню Замойскую добился аудиенции у русского царя, но ему удалось добиться только права проезда католического духовенства через русскую территорию в Китай и Персию. В Бресте униатский митрополит Заленский перед Петром начал поносить Православие. Петр заметил ему: «Я уважаю католиков, но таких, как вы, людей дерзких, я быю батогами и вешаю»¹.

Большие надежды возлагал Рим на брак царевича Алексея Петровича с Вольфен-Бютельской принцессой Софьей Шарлотой. Когда Петр вел борьбу с Карлом XII и его ставленником в Польше Станиславом Лещинским, то он рассчитывал на поддержку римского двора, и в 1707 г. неофициально был направлен в Рим Борис Иванович Куракин. Целью этого посольства было добиться от папы грамоты в Польшу о непризнании королем Лещинского, как ставленника шведского короля — протестанта. Куракин должен был засвидетельствовать особое уважение к папе со стороны Московского царя, позволившего проживавшим в России католикам свободно отправлять богослужение, разрешившего проезд через русскую территорию миссионерам, направляющимся в Китай и Персию. Иезуиты переоценили значение этих переговоров, уверяя, что Куракин имел задание поднять вопрос о соединении Церквей. Ликвидация патриаршества вселяла надежды в сердца особенно рьяных миссионеров латинства. Местоблюстителем Стефана Яворского, в котором некоторые усматривали тайного сторонника католицизма, еще более питала эти надежды. Ходили разговоры и о том, что будто бы Петр не питал особенного доверия к русскому духовенству, особенно монашествующему, видя в нем скрытного противника своих реформ. Но все эти расчеты римского двора и иезуитов очень скоро рассыпались, как картонный домик.

Вопрос о соединении Церквей в царствование Петра подняли богословы из Сорбонны, когда в 1717 г. Петр находился в Париже и 14 июня побывал в Сорбоннской Академии. Разговаривая с русским царем на разные темы, его собеседники предложили поставить на обсуждение вопрос о соединении Церквей. Сделав несколько общих замечаний по поводу различий в догматах обоих вероисповеданий, царь заметил, что если сорбоннские ученые желают вступить в сношения с русскими православными епископами, то пусть изложат свои соображения по этому вопросу в письменном виде, а он предложит русским епископам высказаться и ответить на эти соображения. Так как Петр торопился с отъездом, то сорбоннские богословы наскоро составили свою записку, в ко-

¹ Д. Толстой, цит. соч., стр. 149—150.

торой очень поверхностно коснулись только некоторых догматических и обрядовых различий между восточною и западною Церквами и постарались смягчить эти различия и сделать их не существенными и только кажущимися.

Проект ответа на эту записку был составлен двумя видными богословами того времени: один — Стефаном Яворским, а другой Феофаном Прокоповичем. Предпочтен был проект Феофана Прокоповича, как более удачный по изложению; он и положен был в основание ответа. Воздав похвалу сорбонским богословам за их стремление к церковному единству, русские иерархи (Митрополит Рязанский Стефан Яворский, архиепископ Псковский Феофан Прокопович и епископ Холмогорский Варнава) заявляют, что вопрос о соединении Церквей должен решаться и четырьмя восточными патриархами. Ответ этот был отправлен с большим запозданием: только в 1720 г. На этом дело и кончилось. Римская, и в частности, иезуитская пропаганда могла довольствоваться только единичными случаями совращения в католичество русских православных людей¹.

Подведем некоторые итоги сказанному:

1) Разгром польско-литовской интервенции был в то же время и крушением папских планов на подчинение Риму Православной Русской Церкви. При Михаиле Романове, или точнее в правление Патриарха Филарета Рим не прибегал к активным агрессивным действиям.

2) В середине XVII ст. внимание Рима поглощено было событиями на Украине, которые грозили отторжением от подчинения папе значительного количества духовных чад, насильственно загнанных в ограду римского двора иезуитами и унией.

3) Но Рим не спускает глаз и с Московского государства. Он не прочь был вмешаться в дело нового самозванца — Тимофея Акундинова, выдвинутого и поддерживаемого польско-литовской шляхтой. Патриарх «великий государь» Никон делал совершенно невозможную какую-либо католическую пропаганду на Руси. Через своего агента Паисия Лигарида Рим принял активное участие в свержении выдающегося Патриарха.

4) С устранением Никона снова агенты Рима начали вести разговоры о соединении Церквей, но и на этот раз они оказались безрезультатными.

5) Непосредственного обращения русского правительства в Рим мы знаем только один случай (в 1672 г. посольство Менезия), но и то по делам политическим, а не церковным.

6) В XVII в. усилился приток в Московское государство иноземцев: военных специалистов, мастеров, медиков и др. Охотно принимая протестантов, русское правительство старалось не пропускать к себе католиков. Однако, это не всегда удавалось осуществить. Наряду с военными и другими специалистами, католики проникали на Русь и в составе посольской свиты. Под предлогом совершения богослужения для находившихся в России католиков пробирались, несмотря на поставленные преграды, и представители католического духовенства и, даже, иезуиты. В середине 80-х годов в Москве составила небольшая, спаянная иезуитская коллегия, незамедлившая начать пропаганду католичества среди русского населения.

7) Деятельность иезуитов была пресечена активным вмешательством высшей церковной власти. В 1689 г. последовало правительственное распоряжение о немедленном выезде иезуитов из пределов Русского государства.

¹ Д. Толстой, цит. соч., стр. 166—170.

8) В виде исключения разрешено было оставить в Москве только одного белого католического ксендза. Но строить специальное церковное здание (костел) было решительно запрещено. Только известный Патрик Гордон, пользуясь своим высоким положением под видом часовни («каплицы») над погребальным склепом контрабандным путем соорудил небольшой костел.

9) В конце XVII и в начале XVIII в. приток иноземцев протестантов и католиков стал еще заметнее. Иезуитам снова удалось проникнуть на территорию Московского государства. Этому благоприятствовали дружеские отношения между русским и австрийским правительствами.

10) Охлаждение между Петербургским и венским дворами в связи с делом царевича Алексея, к которому приложили свои руки и иезуиты, вызвало вторичное изгнание последних из пределов русского государства. Высланных иезуитов заменили капуцины, потом францисканцы и, наконец, доминиканцы.

11) Непосредственные сношения русского правительства с папским двором велись по двум вопросам: 1) о совместной борьбе с турками и 2) о титуле. Когда Рим эти политические вопросы стремился перевести на религиозные рельсы, то русское правительство решительно обрывало переговоры.

12) В XVII и в начале XVIII в., как это было и раньше, все попытки латинских пропагандистов проникнуть в Россию и добиться соединения Церквей оказывались неудачными. Причину этого следует усматривать в глубокой преданности русского народа вере отцов, в бдительности русской церковной иерархии и самостоятельности внешней политики русского правительства.

В. Никонов

ИЗ ЖИЗНИ РУССКИХ ПРАВОСЛАВНЫХ ЦЕРКВЕЙ ЗА ГРАНИЦЕЙ

50-летие Свято-Николаевского собора в г. Вене

4/17 апреля исполнилось 50 лет со дня освящения русского Свято-Николаевского собора (б. посольской церкви) в г. Вене, столице Австрии. Празднование этого юбилея было приурочено к храмовому празд-

Высокопреосвященный Сергей, архиепископ Берлинский и Германский, на праздновании юбилея русского Свято-Николаевского собора в г. Вене

нику, дню перенесения мощей Святителя Николая, 9/22 мая. К этому времени прибыл в Вену, по благословению Святейшего Патриарха Алексия, Высокопреосвященный Сергей, архиепископ Берлинский и Германский, в ведении которого находится венский приход. Торжество началось праздничной всенощной, после которой Владыка отслужил панихиду по всем преждепочившим настоятелям, создателям и благотворителям святого храма сего.

Торжественная архиерейская Литургия в день праздника началась в 10 ч. утра в присутствии множества молящихся не только прихожан, но

и православных других народностей. За Литургией прекрасно пел хор под управлением М. И. Милошева (болгарина). Сослужило Владыке все русское духовенство: архимандрит Арсений, настоятель собора протоиерей А. Ванчаков, свящ. М. Гольдбрედько, а также настоятель румынской церкви протоиерей И. Ракоче, при протодиаконе П. Карпашеве. На молебне к ним присоединились настоятель греческой церкви архимандрит Хризостом и настоятель сербской церкви прот. В. Шипка. К сожалению, вследствие проливного дождя, крестный ход не мог со-

Внешний вид Свято-Николаевского собора

стояться, а молебен с осенением и окроплением был совершен на середине храма пред иконой Святителя Николая — благословением и даром Святейшего Патриарха Алексия.

Перед началом молебна Владыка произнес краткое выразительное слово, указав на то, что хотя срок в 50 лет и не велик, но наш храм многое пережил за это время, «испытав на себе бедствия двух мировых войн: во время первой явился он как бы пленником в неприятельском стане, потерпел и запустение и разорение; во время второй пережил он вместе со всем городом ужасы бомбардировок и военных действий». «Наш юбилей знаменателен, — сказал далее Владыка, — и потому, что он празднуется нами в отблеске того величественного торжества 500-летия автокефалии Русской Православной Церкви, которое, как мы сами были тому свидетелями, собрало Глав и Представителей всех Православных Церквей в Москву вокруг отца нашего Святейшего Патриарха

Алексия. По его же благословению возглавляю я и нынешнее торжество, которое также являет соборный дух Православия, соединяя в общей молитве представителей всех ветвей Православной Церкви, находящихся в Вене. Это единение отображает историческую картину, ибо свет Православия в Вене засветил в греческих храмах, богослужение в которых нередко совершалось и на церковно-славянском языке священниками сербами, обслуживавшими в то время и русских людей. А единокровные нам болгары и раньше и до сих пор считают наш русский храм своим и являются в нем не только нашими сомолитвенниками, но и сотрудниками».

Внутренний вид Свято-Николаевского собора

Упомянув об инициаторе построения сего храма прот. Михаиле Раевском и о главном деятеле во время его постройки протоиерее Александре Николаевском, Владыка подчеркнул, что благодаря щедрой поддержке из России постройка храма была закончена в 6 лет и торжественное освящение состоялось 4/17 апреля 1899 г. «Это событие, — сказал он, — мы и вспоминаем в сегодняшний день, соединяя память о нем с празднованием в честь Святителя Николая, предстательством которого сохранился и охраняется более всего наш храм.

Вечная память создателям, благотворителям, настоятелям и всем потрудившимся в сем храме!

Благодарение воссоздателям и обновителям его, особливо же военному командованию, содействовавшему нам при ремонте.

Сыновия благодарность отцу нашему Святейшему Патриарху Алексию за его любовные заботы о нуждах храма!

Благодарение всем жертвователям и труждающимся за их большие и малые труды и даяния! Сердечная признательность местным властям, государственным и городским за их дружелюбное и внимательное отношение, особенно в трудные дни беспризорного существования!

А наипаче слава и благодарение Господу, так о нас благодеещему, Ему же честь и слава во веки веков! Аминь».

По окончании молебна Владыка благословлял молящихся, а затем пригласил гостей и прихожан спуститься в нижнее помещение. Там была устроена трапеза, во время которой был предложен краткий очерк истории построения храма.

Закладка Свято-Николаевского храма состоялась, по благословению Митрополита Палладия, 3 октября 1895 г., а освящение храма было совершено 4 апреля 1899 г. архиепископом Варшавско-Холмским Иеронимом. Храм двухэтажный (в нижнем этаже — церковь во имя св. благоверного кн. Александра Невского) и обширные помещения для ризницы, библиотеки и канцелярии), построен в строго-выдержанном русско-византийском стиле. Главный купол окружен четырьмя меньшими, а шестой находится над звонницей, на которой имеется полная гамма колоколов. С прошлого года к этим колоколам присоединился новый мощный колокол — в память освобождения Вены победоносной Русской Армией в 1945 г. Внутри храм очень величествен и светел, благодаря высоте главного купола, который поддерживается по четырем сторонам черными монолитами. На трех средних алтарных окнах живопись по стеклу — изображения Спасителя, Божией Матери и Прѣдтечи. Разбитые во время бомбардировки стекла эти ныне реставрированы по прежнему рисунку в той самой мастерской, которая их изготовила первоначально. Иконостас весь сделан из кипарисового дерева и сплошь золоченый. Все иконы писаны на бронзовых досках художниками Бруни и Харламовым. Над входом мозаичная икона также работы худ. Бруни.

Во время первой мировой войны Свято-Николаевский храм был закрыт. Русская церковная жизнь в Вене возобновилась с возникновением Венско-Баденского прихода, бывшего в юрисдикции Святейшего Патриарха Тихона, чрез тогдашнего возглавителя и устроителя русской заграничной церковной жизни Митрополита Евлогия. Приход имел в Вене домовую церковь, в числе настоятелей которой был и нынешний настоятель.

После второй мировой войны и освобождения Вены русскими войсками, храм, хотя и поврежденный во многих местах, но все же, милостию Божией и предстательством своего небесного покровителя, оставшийся неразрушенным, был вновь открыт и передан делегату Святейшего Патриарха архиепископу Фотию, который принял шаги для восстановления в нем богослужения. В 1946 г. Святейший Патриарх прислал сюда уже в качестве своего Экзарха и архиепископа Владыку Сергия. Энергичный церковный староста Л. Г. Чередниченко сумел произвести первый необходимый ремонт, и осенью 1946 г. совершилось торжественное обновление храма, сперва верхнего, а потом и нижнего. В обоих храмах теперь совершаются великолепные богослужения.

Святейший Патриарх соизволил удостоить юбилейное торжество милостивой телеграммой такого содержания:

«С любовью приветствую Ваше Преосвященство, клир и прихожан Венского храма знаменательным торжеством и храмовым праздником. Молитвами Святителя Николая да хранит Господь в мире и благополучии всех молящихся в нем. Алексей, Патриарх Московский и всея Руси».

По оглашении этой телеграммы и ответа на нее, о. протоиерей П. Карлашев возглавил многолетие Святейшему Патриарху, которое было пропето всем собранием.